

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

СЛАВЯНСКОЕ
РЕАЛИТИ-ШОУ

Двойник Светлейшего

Андрей Бондаренко

Славянское реалити-шоу

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Славянское реалити-шоу / А. Бондаренко — «Автор»,
2010 — (Двойник Светлейшего)

Предлагаемая вашему вниманию книга – это цветной калейдоскоп самых различных нелогичностей и нелогичных разностей. Авантюры, с привкусом абсурда, тайны и загадки, следующие – призрачной чередой – друг за другом... Что наша жизнь? Игра! Вот только кто из нас, друзья мои, полноценный Игрок? А кто – обычная скучная пешка на шахматной доске, подвластная чужой воле? Книга примыкает к трилогии "Двойник Светлейшего".

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Анонс в газете	5
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвёртая	36
Глава пятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Бондаренко

Славянское реалити-шоу

Анонс в газете

Уважаемые дамы и господа!

С пятого мая текущего 2019-го года наш телевизионный канал начинает трансляцию нового, совершенно потрясающего реалити-шоу под название «Живём – как в старину»!

Пять молодых семей будут отправлены в одну из заброшенных деревень Вологодской области, где им предстоит провести один год и один месяц.

Эти пять мужчин и пять женщин прошли через жёсткие сита отбора, и выбраны компетентной комиссией из двенадцати тысяч претендентов. Возраст участников – от двадцати девяти до тридцати восьми лет.

Никакой помощи со стороны! Только собственный труд может помочь им выжить в этой суровой реальности!

Охота, рыбалка, собирательство грибов и ягод, овощеводство и животноводство – вот чем предстоит заниматься нашим героям.

С собой мы даем им минимальный набор необходимых вещей и продуктов. Абсолютно никаких достижений современной цивилизации! Никаких ружей, спиннингов, спичек и прочего...

Всё будет по-настоящему: нашим современникам предстоит жить жизнью их далёких предков – древних славян! Предстоит – по-настоящему – выживать!

Один раз в две недели они будут выбирать «Вождя племени»...

Предусмотрен командный приз в пятьсот тысяч долларов, его поровну разделят между собой те, кто выдержит все испытания до конца.

Победившая пара, которую выберете вы, уважаемые зрители, получит супер-приз: один миллион долларов!

Сто двадцать телекамер будут демонстрировать нашим телезрителям все перипетии этой увлекательной «робинзонады». В режиме «он-лайн» вы можете постоянно наблюдать за происходящим на нашем сайте – по адресу: дабл вэ, дабл вэ....

Глава первая

Репа с грибами – конец демократии (пятый месяц реалити-шоу)

Беда всегда приходит неожиданно и внезапно.

Всегда, даже если эта беда совсем маленькая, такая – несерьёзная, домашняя, смешная. Что уж говорить о настоящей, взрослой беде? Беде – с большой буквы?

В этом случае напрашивается только одна достойная и однозначная ассоциация: – «Подлый удар кинжалом из-за угла».

В область сердца, понятное дело, ясен пень...

Пятое сентября, раннее солнечное утро, самый разгар бабьего лета. Голубое ласковое небо, желтеющие листья на ветках деревьев, шустрые красногрудые снегири, весело перепархивающие между алых гроздьев рябин.

«Знатно этой осенью уродилось рябины», – подумал Егор. – «К чему бы это? Может, предстоящая зима будет мягкой? Неплохо бы...».

Он совсем несильно надавил кожаной подошвой лаптя на широкий обушок лопаты, подкапывая первый корнеплод, аккуратно потянув за высокую ботву, выворотил на сторону. Репка оказалась очень даже симпатичной: ярко-жёлтой, шарообразной, с длинным и ветвистым хвостиком.

Заполнив почти до краёв седьмой мешок, Егор крепко завязал его коротким куском бечёвки, сделанной из высушенных и тщательно скрученных сухожилий молодой косули, устало выпрямился, осторожно поглаживая затёкшую поясницу.

Белые мысли, чёрные мысли...

Белые – о вчерашней ночи, о любимой жене Сашеньке, о её длинных и стройных ногах.

Чёрные – о том, что всё это долбанное реалити-шоу – одна большая и крутая лажа. Гнусная такая, обманчивая и полностью непонятная...

Сильный неожиданный удар в спину. Взрыв!!! Дикая нестерпимая боль в ушах. Чернота, изредка прорезанная фиолетовыми и бордовыми кругами...

Последняя заполошная мысль в голове: – «Вот он к тебе и подкрался – пушистый и ласковый песец. Долго же ты его водил – за чёрный и влажный нос... Ох, долго! А тут ничего не получилось, полный и окончательный облом...».

Сознание медленно вернулось. Противный кислый привкус во рту. Тоненький комариный звон в ушах.

Егор открыл глаза, ничего не менялось: сплошная чернота, безысходность, тёмно-лиловые круги... Он пошевелился, с трудом сел, ещё раз приоткрыл ресницы. На этот раз зрение постепенно вернулось: печальный сентябрьский осенний лес, низкие серые облака, знакомые грядки с овощами...

А вот слух упорно и настойчиво отказывался восстанавливаться: пугающая гробовая тишина, а ведь ещё совсем недавно вокруг весело щебетали нежно-лимонные синички, загадочно и угрожающе каркали угольно-чёрные вороны. Он осторожно поднёс указательный палец к левому уху – мокро, лизнул – солоно. Кровь...

«Что же это такое рвануло? Может, атомная бомба?», – полюбопытствовал внутренний голос.

Егор поднялся на ноги и медленно, словно предчувствуя нешуточную неприятность, обернулся. Над дальним лесом, километрах в пятнадцати-двадцати южнее деревни, стоял буро-коричневый «гриб». Конкретный такой «грибок» – на тонкой фиолетовой ножке, донельзя неприятного и устрашающего вида.

«Ну, и что прикажите теперь делать?», – откровенно испугался и запаниковал внутренний голос.

Он нервно пожал плечами, подобрал выпавшую из ладоней лопату, и принялся дальше выкапывать из земли созревшую жёлтую репку. В запарке, наверное, находясь. Или, может быть, просто контузило немного...

А что, надо было запаниковать, всё бросить и побежать по направлению к деревне? Оглашая при этом окрестности визгливыми воплями, мол: – «Всё пропало! Всё – пропало...»?

Последовал ещё один предательский удар в спину. Егор опять упал лицом прямо в борозду, даже горьковатой земли прилично набилось в рот. Он тупо сидел на грядке, отчаянно отплёвываясь во все стороны и негромко ругаясь себе под нос. Матерно, понятное дело.... Опять звуковая взрывная волна преобильно ударила по ушам...

Через несколько минут Егор обернулся: грибы неуклонно размножались, их было уже целых три – похожих друг на друга, словно овечка Долли на собственные клоны.

По щеке весело потекла крохотная горячая капля, на макушку упала вторая. Он вытянул ладони перед собой, задрал голову к небу: из низких серых туч на землю отвесно падал редкий горячий дождь. Градусов шестьдесят пять по Цельсию была температура у этой дождевой воды.

– Что это ещё за фокусы?», – громко спросил сам у себя Егор, обтирая лицо рукавом кошули.¹ – Что ещё за тварь шутки такие шутит?

Словно бы отвечая ему, вдали громко и глумливо пророкотал гром.

– Однако, блин...

Отложив все текущие дела на неопределённое время, и предварительно отыскав лапоть, свалившийся с правой ноги во время падения, Егор быстро побежал в сторону деревни, до которой, благо, было совсем и недалеко – от силы метров триста пятьдесят.

Совсем скоро стало ясно, почему больше не слышно птичьего щебета: он чуть не упал, споткнувшись о тушку мёртвой вороны, а вот и лимонные трупики синиц легкомысленным бисером усеяли траву возле старой рябины, ветки которой были густо облеплены крупными красными ягодами.

В левую щёку неожиданно ударил жаркий колючий ветер, сбил с головы войлочную шапку и зашвырнул её в заросли густого ракитника.

– Охренеть и не встать! – кратко и ёмко резюмировал Егор, не без труда доставая головной убор из кустарника.

Со стороны голой берёзовой рощи донёсся волчий вой – чуть слышный, наполненный до самых краёв нечеловеческой тоской.

«А эти поганые и лживые суки – организаторы реалити-шоу – клятвенно уверяли, что никаких хищников в округе нет и быть не может. По крайней мере, в радиусе сорока километров», – язвительно прокомментировал внутренний голос.

От сараев, находящихся рядом с бревенчатым домом, который занимали супруги Нестеренко, раздавался шум и гвалт, характерный для серьёзного скандала, сопровождаемого жаркой и пошлой дракой.

– Егорушка, родненький, помоги ради Бога! – выбежала ему навстречу растрёпанная рыжая Наталья, – Они же там поубивают друг друга!

– Кто кого?

– Пётр – Василия. Или, наоборот, Васька – Петьку. Ты только помоги их разнять, ради Бога...

Егор подбежал к сараям: в одном обитали молодые дикие утки и гуси с подрезанными крыльями, в другом располагался свинарник, где вместе с упитанными поросятами проживала взрослая дойная коза.

---

¹ Кошуля – разновидность рубашки у древних славян.

Дело, судя по всему, зашло уже далеко. Полянка перед сараем была от души залита кровью и густо покрыта мёртвыми тушками уток и гусей. Возле забора неподвижно застыл – мордой в землю – поросёнок по кличке Буравчик. Василий прочно и удобно восседал на теле поверженного Петра и от души мутузил противника пудовыми кулаками. Рядом с дерущимися мужиками лежали самодельные славянские вилы с окровавленными деревянными зубьями.

– Отставить! – что было мочи рявкнул Егор хорошо поставленным командным голосом. – Встать, сволочи! Принять положение смиренно! Уроды, так вас всех ...

За его спиной тяжело и взволнованно дышала Наташка.

Хорошо ещё, что оба драчуна в своей прошлой жизни служили в русской армии, поэтому беспрекословное подчинение – чётко отдаваемым приказам – у них было чётко и навсегда зафиксировано на подкорке головного мозга. Вскочили как миленькие, вытянулись в струнку, непонимающе и преданно таращась на Егора.

У Васьки Быстрова весь правый бок свиты² был в крови, не иначе, вилами зацепило вскользь. Петькино же широкоскулое лицо было украшено многочисленными свежими фингалами и одной, но очень качественно рассеченной бровью.

Егор ударил двумя руками одновременно, целясь каждому из стоящих перед ним под дых. Попал, конечно же. Учили в своё время. Хорошо так – учили...

Мужички синхронно повалились на землю, хрипя и пытаясь вдохнуть хотя бы чуть-чуть вожденного воздуха.

Наташка Нестеренко за его спиной удивлённо охнула:

– Что же ты творишь, Егор Петрович? Я же тебя просила их только разнять, а не бить...

– Молчать! – он даже не оглянулся. – Период человеколюбивой демократии завершён. Сразу и окончательно. Раз и навсегда. После этого, – жёстко мотнул головой в сторону «грибов». – Давай, боевая подруга, рассказывай, что тут у вас произошло!

Егор развернулся на сто восемьдесят градусов и в упор посмотрел девушке в глаза. Конкретно так посмотрел, как учили – в своё время...

– Ой! – непроизвольно отшатнулась в сторону Наталья, испуганно поправляя на плечах полушерстяной, щедро расшитый цветным бисером славянский платок. – Я всё поняла. Не смотри так больше на меня, очень страшно.... Когда первый «грибок» поднялись из-за дальнего леса, то все животные, которые были на свежем воздухе, тут же умерли. Уток с пяток, поросёнок, которого выпустили на променад.... А остальные утки, гуси, коза Маруся и свинка Ванда, которые оставались в сараях, выжили. Им – хоть бы хны.... Васька тут же заявил, мол, всех животных нужно немедленно зарезать, пока они сами не померли. Схватил свой бронзовый топор, и давай гусям головы рубить – одну за другой. Мой Петенька, ты же сам знаешь, душа нежная и ранимая, бросился ему мешать, даже за вилы схватился. Пришлось.... Вот. Всё остальное ты и сам видел. Спасибо огромное, что их остановил...

– Не за что мне пока «спасибо» говорить, – недобро скривился Егор. – Вот выберемся все живыми из этого страшного капкана, тогда и скажешь.... Пока ты на этом объекте назначаешься за старшую. Действуй на своё усмотрение, исходя только из здравого смысла. Если что, на меня ссылайся: мол, обещал ноги выдрать из задницы – с корнем. Обещал, значит, обязательно и безжалостно выдеру.... Ладно, я пошёл. Надо же как-то разбираться со всем этим, – брезгливо махнул рукой в сторону «грибов», которые постепенно начали бледнеть, истончаться и мелко подрагивать...

Срезая угол к своему дому, он пересёк «центральную площадь». Деревянные резные скамейки в три ряда – на фоне яркого цветного плаката под широким козырьком с крупной надписью: – «Реалити-шоу «Живём – как в старину!!!». На плакате были изображены молодые, улыбающиеся друг другу мужчина и женщина в якобы традиционных славянских одеждах.

---

² – Свита – длиннополый славянский сюртук.

«Соберёмся ли здесь ещё когда-нибудь?» – грустно подумал Егор, на бегу косясь на кинокамеру с тёмным мёртвым глазом. – «Надо же, а ещё три часа назад она зелёным подмигивала, весело так, задорно...».

Широко распахнулась входная дверь, на высокое крыльцо выбежала его жена Александра (Саня, Шура, Сашенция, Санька, Сашенька...). Черноволосая, стройная, очень и очень красивая: в тёмно-синей понёве³ с клетками из белых и цветных нитей – длиной по икры, в серой холщовой рубахе до колен, туго перепоясанной в тонкой талии красным матерчатым пояском. Поверх рубахи была наброшена меховая безрукавка, густые волосы перетянуты широкой, красной же лентой, на стройных ногах красовались вышитые бисером черевья⁴ – с отворотами чуть выше точёных щиколоток.

Санька отчаянно бросилась Егору на грудь.

– Что же это такое творится, милый? Все стёкла с южной стороны выбило напрочь. У Поповых-Браунов умер говорящий скворец. Все телевизионные камеры потухли, больше не работают. Что происходит? Ой, посмотри, пошёл настоящий снег ...

Егор посмотрел вверх: прямо у него над головой висела иссиня-чёрная плотная туча, из которой на землю падали неправдоподобно-крупные, разлапистые снежинки. Он поймал несколько снежинок на свою ладонь, осторожно растёр между пальцами, поднёс к лицу, понюхал, лизнул.

– Очень похоже на пепел, – негромко произнёс Егор.

Жена посмотрела на него строго, с ярко-выраженным неудовольствие:

– Егора, ты же клятвенно обещал, что в этот раз всё будет без обмана! Мол, нынче ФСБ – натуральные Божьи ангелы с белыми трепетными крылышками. Мол, не обманут, всё красиво и правильно будет.... Кто – обещал? Кто, я спрашиваю? Там доченька совсем одна осталась – с бабушками и дедушками. Бедная, несчастная Иришка, они же её там завоспитывают до неприличия.... Как же ты мог? Ты железобетонно обещал.... Ладно, что тут теперь. Беги скорей к своему лесному тайнику. Беги! У тебя же там спрятан мобильный телефон. Ещё что-то.... Срочно выходи на связь с Питером. Пусть объясняют, недоноски гнилые, что это за дела такие творятся....

Он и побежал. А что ещё, собственно, оставалось делать? Со стороны «грибов», которые уже стали совершенно прозрачными, ожидаемо ударил новый порыв знойного ветра, с неба снова повалили – неудержимым и наглым роём – крупные пепельные снежинки...

Наперерез ему бодро рванул Генка Федонин – взлохмаченный, сонный, босой, голый по пояс, в одних ноговицах,⁵ ещё до конца не отошедший от утомительной ночной охоты на озёрных бобров.

– Командир, чего, почему, как? Мне-то что делать теперь?

Егор, притормозив на пару секунд, ловко вытащил из внутреннего кармана куртки браунинг, протянул Генке:

– Возьми, брат! Меня часа полтора не будет. Ни о чём сейчас не спрашивай. Просто пресекай любые проявления паники и идиотизма. Ещё один пистолет у моей Саньки.... Давай, до встречи...

До лесного тайника, где хранился «дежурный фээсбэшный» набор, было километра три с половиной. Он домчался за двадцать минут (по мелколесью, то бишь, по пересечённой местности!), хорошо ещё, что лапти у него были почти новые, подшитые толстой лосиной кожей.

Егор одним движением отбросил в сторону большую и мохнатую корягу, маскирующую вход в старую, расширенную им же барсучью нору, раскопал компактный железный ящик, без

³ – Понёва – славянская женская одежда, похожая на современную юбку.

⁴ – Черевья – славянская обувь, похожая на современные деревенские боты.

⁵ – Ноговицы – славянские, очень узкие мужские штаны, нижняя одежда, аналог современных кальсонов.

суеты отомкнул замок, достал мобильный телефон, вставил в гнездо аккумулятор, набрал нужный номер.

Тишина. Он набрал ещё раз – тщательно, контролируя каждое движение собственных пальцев. Ничего. Полная и бесконечная тишина. Зелёный огонёк исправно мигал, а связь – по всем известным ему номерам, включая знаменитые «02» – полностью и однозначно отсутствовала.

Но этого же не могло быть! Никогда – быть не могло ....

«Как же это? Как?», – билась в голове заполошенная мысль. – «Как можно было вляпаться в такое редкостное дерьмо?».

Память любезно подсказала – как...

Ретроспектива 01.

Был обычный питерский вечер...

Вернее, не совсем обычный. Радостный был этот вечер, практически праздничный. В том плане, что вечер пятницы, а это само по себе – праздник. Это – во-первых. А, во-вторых, со следующего понедельника (с двадцать пятого апреля), Егор находился в очередном, честно заслуженном отпуске – двадцать два рабочих дня плюс законные майские выходные. Вот так.

В последнее время у них с женой Сашенькой отношения заметно потеплели и укрепились, любовь, как принято говорить в современных дамских романах, вступила в полосу яркого и трепетного ренессанса. Даже задумались всерьёз о втором ребёнке. Вот и решили снять комфортабельный коттедж на красивейшем озере Селигер, чтобы в полной удалённости от городского смога, стрессов и глупой суеты осуществить это архиважное – как выразался революционный классик – дело.

Путёвка была уже давно оплачена, точный адрес коттеджа получен, так что дело оставалось за малым: загрузить в понедельник с утра в багажник верного «шевроле» рюкзаки и чемоданы со всем необходимым, да и рвануть, с Божьей помощью, по прохладной весенней зорьке...

Был обычный, очень даже местами приятный, питерский вечер...

В обеденный перерыв Егор вместе с коллегами-айтишниками распил в местной непрезентабельной кафешке – рядом с Кузнечным рынком – пару бутылок невкусной южноосетинской водки. Надо же было финансово поддержать братскую республику...

В конце рабочего дня он заглянул к шефу: жахнули с ним по сто пятьдесят грамм хорошего вискаря – в честь отпуска, ясен пень. Потом Егор зашёл в свой кабинет, побросал в выдавший виды портфель всякий разный бред, могущий внезапно понадобиться в отпуске.

Тут и зазвонил городской телефон. Противно так зазвонил, тоненько, как будто обещающая знатную подляну...

Он опасливо поднял с рычажков телефонную трубку, медленно поднёс к уху. Вечер остался обычным, питерским, только уже таким, когда принято гулять по родному городу «в дурном настроении».

Звонил Тимофей Ануфриев, майор ФСБ, его дальний родственник.

– Привет, Егор Петрович! Встретиться нам с тобой надо, такое дело. Руководство настаивает, сам всё понимаешь.... Ты же по дороге с работы пиво по-прежнему в «Капитанах» пьёшь? Давай там и состыкуемся. В шесть тридцать, лады?

Пивной бар назывался «Два капитана», хотя в интерьере заведения ничего морского не наблюдалось: стены, обшитые бело-красным пластиком, обшарпанные квадратные столики, разномастные убогие стулья, заплёванный грязный пол. Единственным светлым пятном бара выступала телевизионная плазменная панель – полтора метра на метр.

В этот вечер (обычный питерский вечер) панель неожиданно и коварно онемела. По третьему каналу в очередной раз показывали «Брат-2», в данном случае – без звука. Егор взял литровый бокал «Балтики» и пакетик с кальмарами, уселся на своё, года полтора как застолблённое место, внимательно огляделся по сторонам.

Знакомых не наблюдалось, поговорить было совершенно не с кем. С десятков случайных посетителей усиленно пялилось в молчаливый экран. Егор сделал несколько глотков любимого пенного напитка, зажевал тонкой кальмаровой ниткой и лениво перевёл взгляд на панель.

Удивительно, но звук был совершенно не нужен! Он помнил каждую фразу из этого фильма, так (без звука) даже интереснее было смотреть.

«Вот что значит – настоящий культовый фильм!» – подумалось с белой завистью. – «Эх, написать бы культовый роман, блин горелый! Что бы вся страна зачитывалась...».

На немом экране Данила Багров поднимался по длинной лестнице, намериваясь в труху покрошить американских уродов и ублюдков.

– В поле каждый колосок... Всех люблю на свете я. Это – Родина моя, – с сильным узбекским (армянским, грузинским?) акцентом озвучивал фильм пожилой человек за соседним столиком.

Егор крепко и надолго задумался о превратностях и странностях этой непростой и грубой жизни...

Когда он снова посмотрел в телевизор, то там Данила Багров – в компании с русской проституткой, бритой наголо – сидел в салоне самолёта, улетающего в Россию.

– Мальчик, принеси нам водочки! – с ярко-выраженным удовольствием комментировал восточный человек. – Мальчик, ты ничего не понял. Водочки нам! Мы на Родину летим...

«Сюрреализм, мать его!», – мысленно сплюнул Егор.

Самолёт грузно оторвался от взлётной полосы и начал уверенно набирать высоту.

Пожилый узбек (армянин, грузин?) тут же проникновенно затянул:

– Прощай, Америка, вах! Мне стали тесны твои старые джинсы...

Странно, но ещё несколько голосов дружным хором подхватили эту песню.

Наконец в зале появился Ануфриев, взял у барной стойки бокал с тёмным «Василеостровским», подсел за столик.

– Что же доблестной ФСБ понадобилось от моей скромной персоны? – Егор отхлебнул пивка, закурил. – Если я всё правильно помню, в ноябре 2012 года ваша служба сама отказалась от моих услуг. Мол, ни те методы работы у меня, устаревшие, не востребованные нынче. Что, господа и товарищи, передумали?

Тимофей неопределённо пожал плечами:

– Ты же знаешь, что бывших «фээсбэшников» и «грушников» не бывает. Бывают, конечно же, подлые предатели, с этим ничего не поделаешь. А все остальные – действующий резерв, готовый по первому свистку подняться на крыло и выполнить поставленные перед ними задачи... Ты же у нас не предатель? Вот видишь! Следовательно, резервист...

– И что требуется от меня?

Майор Ануфриев, в свою очередь, закурил и проинформировал:

– С понедельника начинается реалити-шоу «Живём – как в старину».

– Я в курсе, читал вчера в телевизионной программке, – недоверчиво прищурился Егор. – Только я-то здесь причём? Хотите, чтобы я поучаствовал в этом насквозь дурацком мероприятии?

– Вот именно...

Егор только весело и непринуждённо рассмеялся:

– Ты-то сам себя слышишь? Понимаешь, что говоришь? Зачем мне всё это надо: больше года проторчать в Богом забытой деревушке? Небось, ещё вместе с женой? У меня есть хоро-

шая работа, Саня тоже карьеру пытается сделать.... А с дочкой что? В ведомственный интернат определить на всё это время?

– Мы же взрослые люди, – поморщился Тимофей. – Причём здесь ведомственный интернат? Что ещё за бред? У твоей жены родители ещё совсем не старые. Наши люди помогут, опять же. А работа, карьера.... Ерунда всё это, ты уж извини! Из обещанного призового миллиона долларов вы с женой половину получите сразу, ещё до начала этого шоу. Если захочешь, то можно и завтра, если будешь настаивать, то и сегодня...

– Ещё пива, пожалуйста, принесите! – обратился Егор к пробежавшему рядом пожилому официанту. – Ну, хорошо, на секунду приставим, что я дал своё согласие на участие в этой жуткой аванюре. Я повторяю: только представим на одну секунду! Итак, в чём заключается глубинный смысл моей миссии? Выиграть это глупейшее состязание? Или – что?

Майор Ануфриев заметно повеселел:

– Надо просто тщательно присматривать за остальными восьмью участниками реалити-шоу. Оберегать их от всяких серьёзных неприятностей. Руководство считает, что одним из участников этого пошлого спектакля – в обязательном порядке – должен быть опытный человек. Очень опытный и сильный, виды выдавший.... В чём тут дело, я и сам не знаю толком. Да и знать, если честно, совершенно не хочу.... Наверно, кто-то из остальных участников проекта является любимым чадом (любовником, любовницей?) кого-то из власть предержащих. Честное слово, больше ничего не знаю! У тебя будем надёжный мобильный телефон для экстренной связи, пара неофициальных пистолетов. Просто старательно помогаешь всем остальным ребятам и девчонкам выжить, не более того.... Соглашайся, чудак-человек! Полмиллиона долларов на дороге не валяется. Вернее, даже миллион, потому как с твоей квалификацией выиграть это простенькое соревнование – раз плюнуть. Вообще-то, победителей этого реалити-шоу будут определять телезрители. Да это только на руку: вы с Александрой – ребята очень симпатичные и сексапильные, выиграете, конечно, чего уж там...

Официант принёс свежего пива.

«Не очень то и свежего!», – сделав два глотка, недовольно усмехнулся про себя Егор и после минутного молчания задал лобовой вопрос:

– Если я окажусь, то начнутся банальные угрозы – относительно жизни и здоровья моих близких людей? Может, сегодня ночью и машина моя полностью сгорит, якобы, совершенно случайно?

Тимофей достал из кармана неприметный мобильный телефон и заговорщицки подмигнул:

– Придётся использовать последний козырь, – набрал семизначный номер, поднёс трубку к уху: – Анна Афанасьевна? Здравствуйте, рад вас слышать! Да, без вас не обойтись, обязательно подходите...

Через двенадцать-пятнадцать минут негромко хлопнула входная дверь, Егор нерешительно обернулся.

«Неужели, это она? Неужели?», – бестолково и пугливо заметались в голове тревожные мысли. – «Этого не может быть! Ей же сейчас должно быть сто лет с хвостиком...».

Женщина, подходящая к их столику, была, безусловно, пожилой. Лет семьдесят, может, семьдесят пять. Но, чтобы сто с копейками? Да ну, не смешите! Невысокая, но очень стройная, с абсолютно прямой и гордой спиной. Каштановая грива густых волос, большие немигающие чёрные глаза, полные недюжинной внутренней силой. Вот только лицо – густо исчерчено многочисленными глубокими морщинами.

– Здравствуй, Властелин Аляски! – женщина тепло посмотрела Егору в глаза, легко коснулась тонкими губами его щеки. – Ты всё молодеешь, а мы все стареем. Диалектика такая противная...

– Да ладно, Айна Афанасьевна, вы выглядите просто потрясающе!

Этой женщине Егор не мог отказать: слишком много было – бок о бок – пройденных дорог, слишком многим он был ей обязан...

С Сашенцией всё было совсем непросто, но уговорил-таки: рассказал чистую, ни чем не приукрашенную правду, она и согласилась. Ну, и обещанный миллион долларов сыграл свою роль.

– Купим новую квартиру, – тут же принялась фантазировать жена. – Приобретём дачку в Финляндии, недалеко от границы. Например, на берегу Сайманского канала...

Егор запихал упорно молчащую трубку во внутренний карман вотола,⁶ достал из ящика компактный счётчик Гейгера, направил в сторону уже исчезнувших «грибов», нажал на маленькую красную кнопку. Счётчик исправно работал, демонстрируя при этом абсолютно безопасные радиационные показатели.

Он спрятал счётчик в правый наружный карман плаща, отправил в левый извлечённую из тайника маломощную осколочную гранату и, повесив на грудь стандартный армейский бинокль, побежал по направлению к деревне. «Грибы» уже полностью осели и улетучились, но с неба, время от времени, продолжали щедро и настойчиво падать крупные и пушистые хлопья бело-серого пепла.

По хлипкому и узкому мостику Егор ловко перебрался через звонкий ручеёк с насквозь прозаическим названием – Боровой, который через десять-двенадцать километров впадал в реку с насквозь экзотическим названьем – Чагодища. По ручью – пузом вверх – плыла мёртвая рыба: мелкие окуньки, плотва, ерши, уклейка, подлещики, крупные щуки, лещи и налимы...

«Ну вот, а мне все говорили, что в этом ручье рыба совсем не водится», – нахмурился Егор.

Он внимательно посмотрел в серо-тоскливое небо, поморщился, в сердцах сплюнул себе под ноги.

Когда до ближайшего заброшенного дома оставалось метров двести пятьдесят, со стороны жилой части деревни сухо щёлкнул одинокий пистолетный выстрел...

---

⁶ – Вотола – длинный славянский плащ.

Глава вторая

Внеочередное собрание – на фоне торнадо

Не останавливаясь, он подобрал с земли и зажал в каждой ладони по увесистому булыжнику, короткими перебежками, стараясь двигаться максимально бесшумно, рванул к «центральной площади».

Генка Федонин беспомощно сидел на низенькой куче жёлто-серого песка, крепко обхватив голову руками и монотонно раскачиваясь из стороны в сторону. Браунинг валялся метрах в семи-девяти от него, рядом с большим и ярким рекламным щитом одной достаточно известной автомобильной фирмы, которая являлась Генеральным спонсором реалити-шоу «Живём – как в старину».

Рядом с Генкой, нагло ухмыляясь, стоял Васька Быстров с крепким дрыном в руках, чуть в стороне застыл Пётр Нестеренко, угрожающе выставил вперёд самодельные вилы с деревянными зубьями.

– Не шевелится никому! Застыли на месте, недоноски грёбанные! Следующая пуля, Василёк, прилетит тебе в ногу! – недобрым голосом пообещала стоящая напротив них Сашенька, наставив на Василия дуло маленького чёрного пистолета.

– Да ладно тебе, Александра! – насмешливо и спокойно заявил Быстров. – В ногу она мне будет стрелять, как же! Ха-ха-ха! Кишка тонка. По судам потом затаскаю. Денег и времени не пожалею. Давай, красавица писанная, разойдёмся миром? Вам один пистолет, нам – другой. После этих буро-коричневых «грибов» и снежинок из серого пепла, всё стало – по крайней мере, лично для меня – совершенно однозначно: раз телевизионные камеры больше не работают, значит, и всё это долбанное реалити-шоу, наконец, закончено. Пора срочно выбираться на Большую Землю! Давай так: я себе заберу Генкин пистолет, и мы расходимся краями, как в солёном сине-зелёном море белые красавцы-корабли, прощаясь навсегда. Я прав, Петро?

– Отойди, Санька, в сторону! – Петр угрожающе вскинул вверх руку с вилами. – Христом Богом прошу дуру, отойди!

И без назойливых подсказок всё было предельно ясно: очевидно, Генка – простая душа, решил похвастаться пистолетом перед своими товарищами по шоу. Мол, вот как мне доверяют, завидуйте! Васька с Петькой сориентировались мгновенно: хвосту тут же прилетело по жбану, хорошо ещё, что Федонин, в последний момент, успел пистолет отбросить далеко в сторону, а тут и Сашенция вмешалась во время.

Егор спокойно вышел из-за угла избы, громко кашлянул, привлекая к себе всеобщее внимание. От живописной группы соратников его отделяло метров двадцать – двадцать пять.

– Привет, орлы и орлицы! В серьёзную войну играем с утра пораньше? Молодцы, хвалю! Эй, Нестеренко, лови! – кинул навесиком один из булыжников в сторону Петькиной лохматой головы, облачённой в узкий войлочный колпак. Второй же камень, пользуясь тем, что все непроизвольно посмотрели вверх, он – не очень то и сильно – метнул Быстрову прямо в широченную грудь.

Василий болезненно ойкнул и навзничь повалился на землю. Пётр, с трудом увернувшись от первого булыжника, демонстративно отбросил вилы в сторону и стал мелкими шашками отходить в сторону, достаточно громко бормоча себе под нос:

– Да я что? Я и нечего. Пошутил просто...

Откуда-то, словно из-под земли, выскочила Галина Быстрова – Васькина жена, бросилась к Егору, громко и визгливо закричала, сжимая в своей тонкой руке кухонный нож с бронзовым лезвием:

– Что же ты делаешь, морда злодейская? Да я ж тебя...

Он легко перехватил Галкину руку, аккуратно вывернул. Выпавший нож, чуть слышно звякнув, спрятался в пыльной траве.

– Отпусти, пожалуйста, родненький! – тоненько заверещала женщина. – Не буду я больше! Провалиться мне на ровном месте!!!

– Точно – не будешь?

– Не буду-у-у...

Отпустив Галину, Егор демонстративно неторопливо подошёл к лежащему у рекламного щита пистолету, нагнулся, подобрал его, с чувством пощёлкал предохранителем.

– Значится так, – громко объявил, – Назначается внеочередное собрание участников реалити-шоу «Живём – как в старину»! Через десять минут всем собраться на «центральной площади»! Рассесться по своим обычным местам! Мною будет сделано важное – практически пражительственное – заявление...

Егор, напустив на себя важный и задумчивый вид, медленно прошёлся вдоль первого, ни кем не занятого ряда скамеек, насмешливо покосился на огромный плакат, с которого ему улыбались симпатичная женщина и мужественный паренёк. Женщина красовалась в широком, очень открытом – в области полной груди – цветастом сарафане, её спутник был одет как среднестатистический канадский охотник семнадцатого века – судя по иллюстрациям к бессмертным романам Фенимора Купера.

«Художнички, тоже мне, знатоки отечественной истории!», – в очередной раз возмутился про себя Егор и внимательно посмотрел на одетых в нелепые патриархальные одежды мужчин и женщин, которые вольготно разместились на широких скамьях, выстроенных идеальным полукругом перед без меры пафосным плакатом.

Вот, крайняя справа в третьем ряду, его жена Александра – по-настоящему красивая, черноволосая, стройная, двадцати пяти лет от роду, достаточно известный – в достаточно узких кругах – врач-гомеопат.

Рядом с ней сидели супруги Федонины – Генка и Юлька, родом из Мордовии. Обоим было лет по тридцать пять, из которых семь-восемь они провели на дальней и заброшенной метеорологической станции, где-то за суровым Полярным кругом. Милые и хорошие ребята, работающие и самодостаточные, без всяких наглых претензий и прочих нехороших штук.

Чуть дальше расположилась – как всегда немного особняком – семья Поповых-Браунов. Вера Попова – миниатюрная симпатичная блондинка, в прошлом – Олимпийская чемпионка по синхронному плаванию, мастер спорта по альпинизму, и, вообще, очень спортивная девица, только очень уж молчаливая и неразговорчивая, обладательница совершенно непроницаемых и загадочных глаз. Её муж – Симон Браун (в быту – просто Сеня), имел двойное российско-испанское гражданство и являлся многократным чемпионом Европы и Мира по всяким разным экстремальным и экзотическим видам спорта, где присутствовали автомобили, мотоциклы и велосипеды. Такой же молчаливый, как и жена, но в целом – трудолюбивый, надёжный и славный. Сеня говорил по-русски достаточно чисто, с чуть заметным мягким акцентом. Вера, ещё в июле месяце, по очень большому секрету объяснила, что Симон пытается писать серьёзную прозу и имеет – по её скромному мнению – неплохие шансы со временем превратиться в настоящего и большого Писателя.

Второй ряд – это, наоборот, негативная составляющая славянского коллектива.

Пётр и Наталья Нестеренко – пара, рекомендованная, вернее, навязанная Генеральными спонсорами реалити-шоу. Типичные менеджеры самой современной формации: амбициозные, старательные, бесстыжие, спортивные, ведущие здоровый образ жизни, на многое (на очень многое!) готовые пойти ради успешной карьеры. Более того, очень хорошо подготовленные и разбирающиеся в аспектах и нюансах человеческой психологии, чётко знающие, как надо правильно вести себя перед телевизионными камерами и что надо говорить, чтобы однозначно понравится телезрителям. Но реальной пользы от четы Нестеренко «в хозяйстве» было совсем

немного, так, лишняя пара голодных и жадных ртов, натуральный и совершенно бесполезный балласт. Но и они полностью безобидные, если смотреть объективно, в самый корень...

А вот Быстровы, Василий и Галины, вот эти да: враги идейные, классовые, так сказать. Из очень новых русских. Владельцы холдингов, концернов, корпораций, газет, пароходов, издательств, интернет-серверов, ещё – чего-то. Богатые до полной и окончательной невозможности, привыкшие всегда и всеми командовать, повелевать, чморить, давать указания, снова – чморить...

В последние годы супруги Быстровы – в свободное от успешного бизнеса время – полюбили ездить на разные престижные сафари, просто – на трофейную охоту и рыбалку. Объездили практически весь мир, поэтому считали себя очень опытными путешественниками, главными претендентами на победу в реалити-шоу, которых все остальные участники должны беспрекословно уважать и слушаться.

«За чью же судьбу так пеклось ФСБ?», – задумался Егор, невольно погружаясь в воспоминания.

Ретроспектива 02

Первый раз – всех вместе – их собрали двадцать шестого апреля, за неделю до отъезда (отлёта на двух вертолётах из города Новгорода) в необитаемую деревню Алёховщина, забытую Богом где-то в топких вологодских болотах, рядом с неприметной речушкой с красивым и звучным названием – Чагодища.

Штаб-квартира реалити-шоу «Живём – как в старину» занимала целое крыло на втором этаже современного бизнес-центра, расположенного недалеко от питерской станции метро «Московские ворота». Будущие участники соревнования прошли в просторный, обставленный по всем канонам современного дизайна конференц-зал, перезнакомились, вволю наулыбались друг другу, наговорив кучу взаимных комплиментов и прочих приятностей.

Впрочем, уже тогда Быстровы показали себя людьми высокомерными, ставящими себя – на виртуальной иерархической лестнице – гораздо выше всех своих будущих товарищей по команде. Василий был внешне очень похож на якобы знаменитого актёра Никиту Джигурду: высокий, с шикарной «львиной» гривой тёмно-пшеничных волос, широкогрудый, с массивной золотой цепью на толстой шее. Никого особенно не слушая, он тут же принялся громко и самозабвенно рассказывать о своём последнем кенийском сафари, показывать многочисленные фотографии: вот он рядом с поверженным красавцем-буйволом, а вот – верхом на застреленном льве. Наталья же – обладательница великолепных платиновых волос с редкими розовыми прядями – лишь высокомерно и гордо улыбаясь, изредка поддакивая мужу и навязчиво демонстрируя зрителям крупные безупречные бриллианты, украшающие её кольца, браслеты и серёжки. Только на Симона Брауна она посматривала с нескрываемым пиететом: как же, природный иностранец, при этом даже симпатичный... Судя по отдельным «солёным» фразам, прорывающимся время от времени, происхождение у супругов Быстровых было насквозь пролетарским.

Наконец, в конференц-зале появился длинный и худой дядечка, весёлый, улыбающийся, прямо-таки рубаха-парень – с профессорской внешностью и двумя тяжеленными портфелями в руках.

«А глаза-то у дяди больно уж серьёзные, с внутренней льдинкой», – настороженно отметил про себя Егор.

– Проходите, дорогие друзья! Проходите, рассаживайтесь на первых рядах! – любезно предложил дядечка, ловко забрался на крохотную трибуну, стоящую на низенькой сцене, поставил рядом с трибуной свои портфели и уверенно взял в руки микрофон.

Расселись, любезно пропуская друг друга вперёд.

– Разрешите представиться, господа! – с места в карьер начал обладатель внутренней льдинки. – Меня зовут Андрей Андреевич Петров, доктор исторических наук, профессор. Специалист по древнеславянским временам. Я являюсь главным и полномочным координатором проекта «Живём – как в старину». Наконец-то мы, после серьёзных сомнений и долгих раздумий, окончательно отобрали пятую пару участников! Поднимитесь друзья мои, поднимитесь, пусть на вас все посмотрят! Это – Александра Леонова. Настоящая красавица, умница, спортсменка, опытный и талантливый врач-гомеопат. Она будет присматривать за вашим здоровьем, лечить заболевших с помощью настоев всяких трав и кореньев, найденных и собранных в окрестностях Алёховщины. А это её муж, Егор Леонов, в прошлом – сотрудник ФСБ.

– Сотрудник ГРУ, – зачем-то уточнил Егор.

– Неважно, – небрежно отмахнулся Андрей Андреевич. – Главное, что вы, господин Леонов, в своё время прошли соответствующий обучающий курс по выживанию в диких природных условиях. Это может здорово пригодиться всей команде в целом.

Сидящий на первом ряду кресел Василий Быстров обернулся и внимательно посмотрел на Егора – обеспокоено, с плохо скрытым подозрением...

Доктор Петров продолжал:

– По моей просьбе некоторые из вас, друзья мои, написали заявки – на вещи и иные полезные предметы, которые хотели бы захватить с собой, – достал из внутреннего кармана выдавшего вида пиджака несколько листов мятой бумаги, притворно откашлялся. – Господин Быстров недвусмысленно изъявил желание взять в это увлекательное путешествие следующее: немецкое двухствольное ружье «Зауер» – с соответствующим расширенным боезапасом, спиннинг фирмы «Хайнц» – вместе с набором соответствующих блёсен, воблеров, флопперов, искусственных мышек, лягушек, мушек и прочего... Вынужден вам категорически отказать, дорогой друг.

– Как – отказать? – искренне изумился Быстров, и даже свои фирменные и стильные, очень модные очки в позолоченной оправе – с дымчатыми стёклами – нервно стащил с длинного породистого носа. – Почему, собственно, дорогой координатор?

Доктор исторических наук равнодушно пожал плечами и заговорил совсем другим голосом – неприятным, жёстким, холодным:

– У древних славян, господа и дамы, не было ни огнестрельного оружия, ни современных средств и приспособлений для ловли рыбы. Так что, извините покорно, милостивый государь, но – решительно отказываю!

– Как же тогда охотиться, рыбу ловить? – недоумённо поморщился Василий.

– А я заказал два спортивных арбалета! – успокаивающе заявил Пётр Нестеренко. – Я являюсь Заслуженным мастером спорта России по стрельбе из арбалета! Всех вас, друзья, научу пользоваться этим замечательным оружием. Так что не расстраивайтесь, лишь бы стрел хватило! Тетерева, гуси, косули, крупная рыба в ручьях – без разницы... Уважаемый доктор, я, похоже, ошибся: заказал всего двести стрел. Может, увеличим их количество до пятисот? Или – до тысячи?

Андрей Андреевич посмотрел на Петра неприязненно и строго:

– Вот именно, что вы, милейший, ошиблись! Не пользовались древние славяне арбалетами! Поэтому и в вашей просьбе однозначно отказано... А охотиться вы, уважаемые, будете с помощью самодельных луков, копий, дротиков, охотничьих петель, других разнообразных и хитрых ловушек. Всё это уже изготовлено нашими специалистами – по моим чертежам, которые, в свою очередь, выполнены на основании конкретных археологических находок. Тетива у луков сплетена из натуральных козьих и лосиных жил. Наконечники копий и дротиков, лезвия охотничьих и кухонных ножей, а также топоры и пилы – изготовлены из булатной стали и бронзы.

– А бронза то здесь причём, каким боком? – громко удивилась Галина Быстрова.

– Всё очень просто, – терпеливо вздохнул профессор. – Булат – это литая углеродистая сталь, которая, благодаря наличию более одного процента углерода и неравномерному его распределению, обладает множеством полезных и одновременно противоречивых свойств. Например, способностью гнуться в кольцо и при этом высокой прочностью. Единственное, чего боится эта сталь, так это морозов: уже при минус десяти градусов по Цельсию она покрывается сетью мельчайших трещинок и раскалывается на части. При активном использовании, понятное дело. На ровной стене – в полном покое – и при минус пятидесяти булат не утрачивает своих полезных свойств... Поэтому в холодное время года вам придется пользоваться только бронзой... Ладно, не буду перечислять всех ваших желаний, которые являются откровенно неприемлемыми и не соответствуют духу нашего с вами реалити-шоу. Скажу только о двух заявках, которые будут, безусловно, удовлетворены. Во-первых, это просьба господина Симона Брауна о предоставлении, в виде исключения, пяти килограмм семенного картофеля.

Все слушатели, исключая Веру Попову, уставились на иностранца с толикой нехилого изумления, а Петров продолжал:

– Очень дельное и своевременное предложение! Да, древние славяне, с одной стороны, о картошке и слыхом не слыхивали. Но, с другой стороны, сок данного овоща является отличным профилактическим и действенным лекарством от такой коварной болезни, как цинга. Поэтому принято справедливое решение: выделить участникам нашего проекта один килограмм отменного семенного картофеля, адаптированного к климатическим условиям Вологодчины. Далее, Юлия Федонина предложила обеспечить женскую половину участников реалити-шоу предметами, м-м-м, личной женской гигиены... После долгих и жарких споров, организационная комиссия решила пойти навстречу и удовлетворить это пожелание в должном объёме. Мало того, после консультаций с профильными специалистами, мы решили позволить всем участникам проекта – обоим полов – взять с собой по пять комплектов нижнего белья современного производства! – профессор – с видом заслуженного небесного благодетеля – вскинул вверх правую руку.

Аплодисментов, однако, не последовало.

– Ничего не понимаю! – желчно и недовольно заявила Галина Быстрова. – Разрешаете взять с собой нижнее бельё? Спасибо, конечно, господа! А как же быть с остальной одеждой? В смысле, с обычной, верхней? Мы что же, там будем ходить в допотопных тюремных робах, оставшихся на «фээсбэшных» складах ещё со сталинских времён?

– В каких ещё робах? – не понял шутки Андрей Андреевич. – На вас всех уже пошита одежда: аналогичная той, которую – в своё время – носили наши славные предки, древние славяне. Естественно, всё это, так сказать, реконструировано, исходя из многочисленных археологических находок, текстов старинных рукописей, в том числе – написанных на бересте. Сам непревзойденный Валентин Юдашкин принял участие в создании этой оригинальной коллекции! Вслушайтесь, други, только в названия предметов одёжного повседневно обихода: понёва, кошуля, наверхник, чехол, опояска, ноговицы, кожух, свита, сукня, гачи, жупань, вотола, кокошник, чепец...

– А ещё есть лапти! – звонко перебила профессора рыженькая Наташка Нестеренко, понимающе перемигиваясь с Галиной.

– Да, и обувь вам придётся носить традиционную для тех времён, – невозмутимо согласился Андрей Андреевич: – Лапти, чуни, боты, черевья, поршни, валенки... По окончании совещания вы можете пройти в наше ателье и подробно ознакомиться, так сказать, с элементами будущих туалетов.

Женская половина коллектива заметно и предсказуемо оживилась...

Впрочем, завершилось собрание только часа через четыре с половиной, на протяжении которых профессор Петров без усталости рисовал перед слушателями красочные картинки из их будущей героической жизни. В конце своего пламенного выступления он вывалил на низень-

кую трибуну – из толстых потрёпанных портфелей – целую гору брошюр и книг различной толщины.

– Вот, друзья мои! – назидательно и пафосно заявил Андрей Андреевич. – Советую вам всем – без исключений – очень внимательно ознакомиться с данными вспомогательными материалами.

Тонкие чёрно-белые брошюры учили тому, как правильно в диких полевых условиях: кормить домашних птиц и скотину, выращивать полезные овощи, делать крепкую глиняную посуду, обрабатывать и дубить шкуры убитых животных, делать из лозы ивы и краснотала морды для ловли рыбы, добывать мёд диких пчёл, охотиться на бобров, изготавливать из жил и сухожилий парнокопытных животных шнуры, бечёвки и тетиву для луков, мастерить костяные рыболовные крючки и кресала из кремнистых горных пород, валять тёплые валенки, плести надёжные лапти, шить зимние рукавицы, изготавливать из жира медведя и бобра долгоиграющие светильники, и многое-многое другое, не менее полезное...

– Не пугайтесь вы так! – успокаивал профессор, наблюдая на лицах конкурсантов полное обалдение и нешуточную растерянность. – Мы же не дикие звери, в конце-то концов. На первое время обеспечим вас всем необходимым: глиняными горшками, медными и чугунными кастрюлями и сковородками, кремневыми кресалами, запасными тетивами для луков, костяными крючками, свечами, надёжными луками, копьями, топорами, пилами, отрезами льняной и холщовой ткани, запасными наконечниками для стрел, деревянными ложками, войлочными кошмами и подстилками, прочим всяким... Но и вам придётся в дальнейшем проявить определённые навыки, не без этого. Так что возьмите всю эту литературу с собой, вдруг, да пригодится... А ещё мы вам дадим с собой двухнедельный запас продовольствия, двухлитровую банку липового мёда, настои из целебных трав, семена всех овощей, которые культивировали наши предки. Обеспечим необходимым для обработки земли инвентарём: мотыгами, лопатами, кирками, заступами, вилами, сохами, боронами-суковатками... Прочим инструментом и разными приспособлениями: кривыми серпами для сбора урожая зерновых, тяжёлыми молотильными цепями, каменными зернотерками и ручными жерновами... Кроме того, в деревню уже доставлена хорошая дойная коза и два поросёнка дикой свиньи. Господин Егор Леонов, вы же умеете доить козу? Вот и хорошо, потом и остальных научите... Утят и гусят в июне сами отловите, возле озёр и болот. Там, около Чёрного холма, располагаются шикарные птичьи колонии. Самые шикарные в Европейской части России! В моей отдельной брошюре прочтёте: как ловить, чем кормить, когда подрезать крылья. Сориентируетесь, уже не маленькие... Дома и избы, где вы будите жить, наши мастера уже слегка отремонтировали: стёкла вставили в окна, навесили ставни, укрепили входные двери, печки подмазали и побелили... Да и остальное подворье привели в относительный порядок. Имеются вполне крепкие: амбар, два погреба с надёжной вентиляцией, сарай для сена, гумно, две серьёзные бани, два сарая для домашних животных и птиц, гончарня, помещение под славянскую кузницу... Оставим вам немного современных гвоздей, пару ящичков с оконным стеклом. Как натуральные бары – жить будете...

Некоторые книги, предложенные добрым профессором, Егора откровенно насторожили: «Технология выработки качественного железа из небогатой руды в кустарных условиях», «Построение первичных государственных институтов в племенах древних славян», «Влияние религиозных культов на формирование у древних славян зачатков государственности»...

– Зачем нам это, профессор? – негромко спросил Егор, старательно глядя в сторону. – Ведь проект «Живём – как в старину» рассчитан на один год и один месяц. Не так ли?

Андрей Андреевич слегка смутился, после чего неуклюже пошутил:

– Да это я без всякой задней мысли, в довесок... Зимы в наших северных краях долгие, лютые. Метели и вьюги иногда дуют недели напролёт... Вот, если будет скучно, читайте мои друзья, просвещайтесь...

Не понравился тогда Егору этот профессорский ответ. Совсем даже не понравился. А глаза Петрова, когда он произносил данную шутку, особенно...

Уже в самом конце мероприятия они подписывали личные Контракты. Все держали форс (Быстровы и Нестеренко, естественно, задавали тон), и подписывали документы – практически не читая, неуклюже шутя, и не к месту глупо смеясь...

Из задумчивости его вывел недовольный голос жены:

– Милый, ты что там, уснул? Очнись, тебя же люди ждут!

Люди, действительно, ждали: наблюдали за ним насторожённо и озабоченно. Что называется, не отрывая глаз...

«Было бы странно, если они смотрели бы – после этих бурых «грибов» и серого пепла – весело и беззаботно», – грустно усмехнулся про себя Егор и заговорил – громко, чётко, веско:

– Ну что, дорогие мои соратники и соратницы? После всем вам известных событий, я вынужден сделать следующее заявление. В участники реалити-шоу «Живём – как в старину» я назначен, вернее, внедрён, Федеральной Службой Безопасности Российской Федерации. Вот так! Отсюда и эти два пистолета...

– Я так и знал! – громко и развязано заявил Василий Быстров, осторожно потирая ладонью правой руки ушибленную грудную клетку. – Я вас, сук легавых, чую за версту, я сразу...

– Молчать, гнида! – повысил голос Егор. – Как я уже говорил ранее, период демократии в нашем сообществе завершён. Причём, видимо, очень-очень надолго. Завершён, во-первых, ввиду наблюдающихся природных катаклизмов. А, во-вторых, исходя из того факта, что все телевизионные камеры больше не работают, следовательно, связь с внешним миром однозначно прервана. Всем это ясно? – он поочерёдно обвел глазами собравшихся.

Словно подтверждая всю серьёзность ситуации, за его спиной зловеще и басовито прокотал гром. Егор обернулся. Там, занимая собой весь южный сектор горизонта, висела абсолютно чёрная туча. Тугая такая, жилистая и мощная. В лицо снова ударил порыв горячего ветра, стаи жёлтых и совсем ещё зелёных листьев сорвались с веток ближайших деревьев и, закручиваясь в крутые спирали, неудержимо устремились на север...

Засверкали яркие, слегка непривычные молнии: очень тонкие, многократно изломанные, неожиданно ярко-зелёные. Ещё через две минуты снова загредело, звук уже был какой-то нарочито медленный и откровенно ленивый.

– Вернёмся к нашим упитанным вологодским баранам! – дождавшись, когда снова наступит относительная тишина, продолжил Егор. – Товарищи из Органов поставили передо мной следующую чёткую задачу: старательно охранять всех вас от гадких неприятностей, не допускать ситуаций, реально угрожающих вашей жизни и здоровью... Мне кажется, что с поставленной задачей я, в целом, пока справлялся: группы отсутствуют, заболевших и отоцавших также не наблюдается...

– Извини, Егор Петрович! – нетерпеливо перебила его Вера Попова. – Ты должен был охранять нас всех, или только кого-то конкретно?

Егор посмотрел на девушку с уважением: она мгновенно, с листа, уловила самую суть.

– Мне дали понять, что это – один человек, но имени его не назвали. Обычная практика для таких случаев, чтобы агент не расслаблялся и бдил на полную катушку. Как бы там ни было, но я беру командование нашим разношерстным коллективом на себя, жёстко узурпирую, так сказать, всю полноту власти... Все – без малейшего исключения – попытки неподчинения будут расцениваться как коварный бунт, и караться самым жестоким образом. Надеюсь, в моей профессиональной подготовке никто из присутствующих не сомневается? Все однозначно понимают – всю бесполезность контрреволюционных действий? – он достал из кармана верный браунинг, демонстративно перебрал его из ладони в ладонь и обратно. – Вот и молодцы! Тогда прошу задавать вопросы.

Первой, что было абсолютно предсказуемо, слово взяла гражданка Галина Быстрова:

– Что же тогда мы здесь сидим – как последние идиоты и идиотки? Уходить надо срочно отсюда, убежать, улепётывать со всех ног! Ты, Егорка, никогда не слышал про такую хреновую штуку – как радиация? Да мы, наверное, уже столько этих рентген нахватили, на всю оставшуюся жизнь хватит! А он, блин горелый, весь такой невозмутимый из себя, разговоры разговаривает, ну, я прямо не знаю...

– Стоп, уважаемая! – Егор достал из другого кармана вотолы счётчик Гейгера, нажал на нужную кнопку. – Вот, мои господа и дамы, любой желающий – по завершению нашего собрания – потом может подойти ко мне и убедится, что никакой повышенной радиации и в помине нет, только незначительный природный фон. Сам безмерно удивлён, но это – непреложный факт. Следовательно, у наших «грибов» – совсем другая природа... Далее, уходить впопыхах, всё бросив, это абсолютно неправильно. Я так считаю. Вдруг, случится что-то непредвиденное, и не удастся сразу, с первой попытки, дойти до людей? Тогда ведь придётся возвращаться... А возвращаться, как учит меня мой богатый опыт, лучше на хорошо и вдумчиво обустроенную базу, чем на не пойми что... Мы за двое-трое суток приведём здесь всё в относительный порядок, доделаем текущие дела, приберёмся за собой, оборудуем несколько тайников с удовольствием, дома тщательно закроем. И только после этого попытаемся выбраться на Большую Землю... Да и выходить придётся по северному маршруту. А там, как вы хорошо знаете, присутствуют очень серьёзные болота, к их переходу придётся готовиться дополнительно. Ясно излагаю? Да, на будущее: называйте, пожалуйста, меня теперь коротко и просто – «командир». Лады?

Со своей скамьи поднялся Пётр Нестеренко, подобострастно сдёрнул с головы войлочный колпак:

– А почему, командир, нам – вообще – надо уходить из Алёховщины? Лично я считаю, что желающие могут и остаться...

Лёгкий ропот непонимания был прерван визгливым фальцетом Галины:

– Да ты, Петька, совсем умом двинулся! Сегодня моему мужу вилами пырнул в бок, сейчас несёшь голимую ахиною... Зачем нам здесь оставаться, а? Егор Петрович! Предлагаю этого бунтовщика Нестеренко посадить под строгий домашний арест! Чтобы, гадёныш, не мучил честный народ...

Егор, предотвращая намечающуюся перепалку, поднял руку вверх:

– Отставить склоку! А ты, Петро, поясни-ка, пожалуйста, всю глубину своей мысли.

Петька тут же зачистил, нервно комкая в руках головной убор:

– Нам с Натальей начальство строго велело – стоять до самого конца, и без полной победы в шоу – не возвращаться назад. А вдруг, это всё специально подстроено, а? Может, это устроители – во главе с чокнутым профессором Петровым – шутят свои идиотские шутки? А «грибы» и снежный пепел – обычные спецэффекты? Почему бы и нет? Я считаю, что это элементарная проверка на вшивость, не более того. Кто не выдержал и струсил, тот может уходить. А мы с Наткой остаёмся: миллион долларов на просёлочной дороге не валяется. Опять же инструкции, полученные от строгого начальства...

– Петь, а как насчёт мёртвых уток и поросёнка? – вмешался Генка. – А ещё командир говорит, что весь ручей Боровой забит мёртвой рыбой. Эти упрямые факты ты как объяснишь?

– Да вот и объясню! – не на шутку разошедшийся Нестеренко картинно ударил войлочным колпаком о землю. – наших животных кто-то подло отравил, очередной агент какой-нибудь, – боязливо покосился на Егора. – В корыто, которое стояло на улице, яду сыпанул, или отраву по траве разбросал по-простому. Поэтому все животные, которые не выходили из сараев и остались в живых. Логично? А с рыбой в Боровом ручье совсем всё просто: её уже дохлой забросили в воду – выше по течению... Ну, не было в этом ручье рыбы, вы же все знаете про это! Что, убедил? Так что, имеет место быть обыкновенная провокация. Вы, друзья, как хотите, а мы остаёмся. Правда, Натка?

– Правда, – не очень-то и уверенно ответила Наталья, испуганно и старательно высматривая что-то за спиной у Егора. – Ой, девчонки, а это ещё что такое? Вон там, со стороны чёрной тучи? Оно же – прямо на нас надвигается! – и отчаянно завизжала...

– Очень похоже на торнадо, я про них смотрела двухчасовую передачу по телевизору, – на удивление спокойным голосом предположила Александра.

Егор несуетливо поднёс к глазам бинокль, посмотрел в нужном направлении.

Гигантская тёмная воронка, плавно раскачиваясь из стороны в сторону, угрожающе быстро надвигалась с юга. Через мощную оптику было хорошо видно, как в могучем воздушном потоке поднимались вверх – по крутой спирали – вырванные с корнем деревья и кусты, автомобили и поездные вагоны, всякий разный мусор, вон двухэтажный деревенский дом под красной металлической крышей, отчаянно кувыркаясь, устремился вверх...

– Смерчь! Смерчь идёт! Прячемся! – одновременно закричали несколько смертельно испуганных мужских и женских голосов...

Глава третья

При попытке к бегству – минус два

Панику надо пресекать: безжалостно, сразу и на корню. Это основополагающий принцип поведения любого серьёзного командира, чья воинская часть располагается в районе активных боевых действий.

Видя, что все его подчинённые – за исключением верной жены Сашенции – беспорядочно рванули в разные стороны, Егор достал из кармана своей ветоли пистолет, снял с предохранителя и два раза выстрелил в воздух.

– Стоять всем! Куда это вы, сучата, побежали без команды? – дождался, когда все остановятся и посмотрят на него. – Приказываю: все прячемся в погреба! В правый, который побольше, следуют: Леоновы, Быстровы и Федонины. В левый – все остальные, Сеня Браун назначается старшим. Быстро забирайтесь в погреб, я вас запру снаружи. Всё, пустые прения окончены. Выполнять!

В каждом доме был собственный глубокий подпол, где тоже можно было совершенно спокойно пересидеть приближающийся катаклизм, да не хотелось Егору, чтобы славяне разбредались по своим избам. В такой пиковой ситуации лучше не оставлять народ без присмотра...

Правый погреб был загружен продовольственными припасами только частично, поэтому места для шестерых человек вполне хватало. Тесновато было немного, совсем чуть-чуть, да ничего тут не попишешь. Егор зажёл толстую восковую свечу, рачительно сохранённую ещё из старых запасов, внимательно огляделся.

На нижних стеллажах десятисантиметровым слоем был насыпан уже высохший лущёный горох, на серединных – мелкая серо-белая чечевица. Верхние полки занимали разномастные глиняные горшки и горшочки, заполненные всякой разностью: жареными корнями одуванчика (для приготовления крепкого «кофейного» напитка), тщательно высушенными и размельчёнными листьями Иван-чая, диким чёрным мёдом, сухой малиной и черникой, крупными головками чеснока... По бокам стеллажей гордо свисали длинные плетёнки лука и несколько ниток сухих грибов. В дальнем углу погреба стояла дубовая, неправдоподобно пузатая деревянная бочка с засолёнными в ней жирными тушками диких уток, гусей и рябчиков. Вокруг бочки размещались высокие холщовые мешки, доверху заполненные пшеницей и дроблёной полбой. В другом углу погреба в толстые брёвна крыши было вбито семь массивных бронзовых крюков – с насаженными на них крупными кусками копчёной лосятины и бобрятины. Отдельно висела большая связка средних – по размеру – карасей, подлещиков и линей, высушенных совсем без соли, на жаркой русской печи.

«Эх, как хорошо всё шло!», – всерьёз запечалился Егор. – «Только солидными припасами стали обрастать, уже и зима не казалось такой страшной и безысходной... И вот, надо же так, блин славянский!»

Следовало хоть как-то запереть низенькую входную дверь: крепкий запор снаружи, естественно, был, а внутреннего-то и не было предусмотрено. Для чего он нужен, собственно? Поэтому следовало что-то незамедлительно придумать.

– Командир! – тихонько позвал Генка, – У меня тут завалилось несколько гвоздей, – торопливо развязал тесёмки на объёмном кожаном мешочке, свисающем с его широкого пояса.

Егор подошёл к бочке с солёными утками и гусями, достал оттуда тяжёлый круглый камень, служащий гнётом, взял у Генки два больших бронзовых гвоздя, старательно – наискосок – прибил дверь к толстому косяку. Немного подумав, добавил третий...

Пока всё было тихо, только негромко и чуть тревожно потрескивала горящая свеча.

– Может, ещё и пронесёт, – ворчливо заявил Васька Быстров. – Зачем же так стараться, фанатичный фанатизм проявлять? Как потом, спрашивается, будем дверь открывать?

– Ты, Василёк, постучал бы по дереву – от всей души, да сплюнул бы через левое плечо три раза, что ли, – язвительно посоветовала предусмотрительная Сашенция. – А то сглазишь ещё, не дай Бог...

Не успел Быстров выполнить эту Сашенькину просьбу: сперва снаружи утробно и угрожающе заворчал, потом завывало на все лады, постепенно низкий вой превратился в какую-то сумасшедшую какофонию звуков – откровенно безобразную и вздорную. Свеча потухла почти сразу же: через одно деревянное вентиляционное отверстие в погреб стал поступать прохладный уличный воздух, тут же, не задерживаясь, уходя обратно наружу через другое...

«И как прикажите объяснить, с точки зрения классической школьной физики, это странное воздушное коловращение?», – грустно подумал Егор, зябко кутаясь в тонкую ватолу. Сквозняк был настолько сильным, что у всех славян, прячущихся в погребе, прорезался нештучный, вполне даже серьёзный насморк. Егор чихал и безостановочно сморкался в прямоугольный кусок серой льняной ткани, ранее брошенной на плетёнки лука, глаза обильно слезились, уши заложило напрочь...

Сколько продолжалось это безобразие? Трудно сказать. Может, пятьдесят минут, а может, всего семь или, к примеру, двенадцать. Трудно сказать....

Наконец, наступила долгожданная тишина, сразу же прекратился мерзкий сквозняк.

– Ег-г-гора! Ег-г-горушка! – жалобно, совершенно по-детски позвала его Александра, чуть заикаясь и громко клацая зубами – К-к-когда мы выб-б-беремься отсюд-д-д-а? Я уж-ж-жасно замёр-р-р-зла...

О двери Василий Быстров беспокоился совершенно напрасно: два из трёх гвоздей были вырваны с корнями, третий – почти до половины.

– Повезло нам, дорогие товарищи и господа! – невозмутимо прокомментировал Егор этот состоявшийся факт. – Ещё немного, и не знаю, что со всеми нами было бы. Вполне возможно, что парили бы себе – где-нибудь в кучерявых белых облаках – дожидаясь скорой встречи с натуральными небесными ангелами...

Дверь он вышиб сразу, с первого же удара, торопливо выбрался наружу и застыл – с широко открытым ртом. И, поверьте, было от чего! Всё вокруг – на сколько хватало взгляда – было покрыто мохнатым и толстым слоем тёмно-сиреневого инея: низкая, когда-то изумрудно-зелёная трава, разлапистые одиночные кусты, высокие деревья, какие-то разномастные и непонятные обломки – всего и вся, редкие уцелевшие строения....

Вообще то, изб в Алёховщине было двенадцать: пять жилых, на совесть отремонтированных, и семь заброшенных, натуральных развалюх. Плюс – просторный крепкий амбар, высокий сарай для сена, гумно, две крохотные бани, два сарая для скота и домашней птицы, гончарня, помещение под славянскую кузницу.... Сейчас Егор видел перед собой только две относительно целые избы – свою и четы Федониных, одну из бань, и сарай, где обитали домашние животные. Всё остальное бесследно пропало, разрушилось, исчезло, испарилось... Температура окружающего воздуха упала до минус пятнадцати-двадцати градусов...

– Генка, Василий! – позвал Егор. – Я побежал открывать второй погреб, а вы в темпе разводите большой костёр! – махнул рукой на разбросанные по всей округе дрова.

Ещё совсем недавно предварительно напиленные и наколотые дрова были рачительно сложены в широкие штабеля – под высоким навесом с длинным козырьком. Запас на зиму начали создавать, ясен пень! Сейчас же поленья валялись, такое впечатление, везде и всюду, да и их количество визуально сократилось раза в три, если не в четыре...

Пробежав по мокрой, покрытой сизым инеем траве метров семьдесят пять, он добрался до второго погреба. Минут восемь-девять провозился с заклинившей дверью, широко рас-

пахнул её. Никто не бросился ему навстречу, только царственная тишина поздоровалась незримо...

Егор неуверенно прошёл внутрь, в полной темноте нащупал первое неподвижное тело, лежащее около самого входа, привычно положил указательный палец на сонную артерию, прислушался к своим ощущениям. «Есть пульс, пусть очень редкий и еле ощущаемый, но – есть!» – вытащил застывшее тело на свежий воздух, осторожно уложил на холодный снег, заглянул в лицо, перекошенное болезненной гримасой. Вера Попова: глаза крепко закрыты, на смертельно-бледном лице застыла – вечным каменным отпечатком – счастливая и блаженная улыбка.

Он легонько похлопал девушку по мёртвенно-белым щекам, не дождавшись ответной реакции, мгновенно вскочил на ноги, обернулся к уже всюду плававшему яркому костру, громко закричал – что было мочи:

– Александра! – так он всегда обращался к жене, если за что-то сердился на неё, или, если просто настроение было – ниже плинтуса. – Александра! Бросай там всё и беги скорей ко мне! И Генку с собой прихвати! Остальные пусть разводят второй костёр! Жду! – сам же снова нырнул в тёмный провал погребя...

Жарко, не жалея сил и дров, горели-пылали два больших костра, к одному из которых Егор и Генка по очереди и оттащили своих пребывающих без сознания товарищей.

– Кладите их ногами к пламени! Ногами к огню – я сказала! – громко и непрерываемо командовала Сашенция. – Снимайте с ног обувь, все эти вонючие онучи и портянки. Растирайте им ступни, особенно по середке, там, где ямочка... Сильно растирайте, без дураков! Сил не жалея... У ребят, похоже, что-то вроде классической кессонной болезни: видимо, содержание кислорода в окружающем их воздухе очень сильно скакало...

– Я думаю, – предположил Генка Федонин, усердно трудясь над маленькими и симпатичными ступнями Наташки Нестеренко, – что всё это произошло из-за того, что в их погребке был всего только один вентиляционный колодец. Смерч то высасывал из погреба весь воздух, то снова надувал его до упора... То нет кислорода вовсе, то его – в немалом избытке...

Егор настойчиво массирует ступни Симона Брауна.

«Кого же он мне напоминает? – откровенно недоумевал внутренний голос. – «Очень и очень знакомое лицо. Нет, раньше он никого мне не напоминал. А вот теперь, когда паренёк чуть Богу душу не отдал, что-то такое прорезалось в его лице – определённо знакомое. А кто он такой, собственно? Имя – испанское, фамилия – английская или американская. Чёрные волосы, длинный нос с лёгкой характерной горбинкой... Ну, натуральный природный южно-американец! Массивный, выдающийся вперёд подбородок, светло-голубые глаза – типичный англосакс. Интересный ты, Симон, товарищ, право слово...».

Браун неуверенно зашевелился, протяжно застонал и открыл глаза.

– Ну, как ты, Сеня? Может, пить хочешь? – Егор помог товарищу сесть. – Давай, приходи в себя, всё страшное уже позади, братишка!

Симон недоумённо, часто-часто моргая пушистыми ресницами, уставился на Егора совершенно ошалевшими, почти идеально-круглыми голубыми глазами.

– Командир, – спросил совершенно неожиданно, – а у тебя есть второе имя?

– Есть, – невозмутимо подтвердил Егор. – И много. У каждого заслуженного сотрудника ГРУ имеется – по служебному досье – несколько имён и фамилий...

Сеня нетерпеливо помотал головой:

– Я знаю про это. А ещё есть – самое настоящее имя? Тебя никогда не звали – Александром Даниловичем?

– И так иногда звали! – покладисто согласился Егор. – Но очень и очень давно, и в совсем другой стране. Если так можно выразиться... А почему ты спросил об этом?

– Да понимаешь, я прямо сейчас видел очень странный сон. Или – не сон? Не знаю, как тебе объяснить.... Я как будто сверху смотрел. Двухмачтовая бригантина плыла по бескрайнему голубому морю. Красивая такая, изящная, хищная, под всеми парусами. У штурвала стоял капитан: высокий, широкоплечий, с рыжеватыми усами. Швед, похоже.... Там были и другие люди, которых я совсем не знаю.... А ещё там был ты. Да-да, ты, командир! И все они тебя называли – Александром Даниловичем, иногда, командором.... Бригантина плыла на Аляску. И твоя жена – Сашенька – прогуливалась вдоль борта. Только она – в этом моём сне – была не жгучей брюнеткой, а, наоборот, нежной платиновой блондинкой...

«Странные, однако, творятся дела на этом свете!», – подумал Егор. – «Непонятки множатся. Одна навороченная тайна нанизывается на другую, не менее навороченную...».

Постепенно все четверо «приболевших» пришли в себя. Из низких чёрных туч выглянуло весёлое ласковое солнышко, ещё через десять минут значительно потеплело, весь фиолетовый иней постепенно растаял, температура воздуха опять стала плюсовой...

До самого позднего вечера – совместными усилиями – они приводили две уцелевшие избы в относительный порядок: стеклили окна, поправляли входные двери, перекошенные недавним торнадо, разбирались с дырявыми крышами, прибирались внутри.

Потом тщательно прочесали всю округу – на предмет поиска полезных вещей, унесённых вороватой стихией из разрушенных домов. Самое странное, что многое отыскалось: одежда, обувь, посуда, продовольствие, инструменты.... Десять избышек и прочие постройки исчезли бесследно, а то, что хранилось в них, вдруг отыскалось. Не всё, конечно же, но большая часть...

– Лично я так вижу эту картинку, – высказал своё веское мнение наблюдательный и рассудительный Сеня Браун: – Первым делом смерч выбил окна в домах, потом вытащил наружу и разбросал повсюду вещи и одежду, а, уже напоследок, собрав последние силы в кулак, поднял избы и другие строения в воздух и утащил их с собой – в неизвестном направлении. Образно выражаясь: – «Не захотела могучая природная стихия размениваться на пошлые бытовые мелочи...».

Егор заглянул в сараи к животным. Тут тоже наблюдалась достаточно странная картина: коза Маруся померла, а свинка Ванда сердито и нетерпеливо похрюкивала, подавая ясные сигналы о своём необычайном голоде, все утки сдохли, а двенадцать серых гусей – избежавших лютой смерти от безжалостного топора Васьки Быстрова – были неожиданно бодры и веселы. Егор рачительно прихватил одного гуся с собой, предварительно накормив остальную живность...

К ужину девчонки сварили из смеси раздробленной пшеницы и полбы жидкую аппетитную кашу, заварили в большой кастрюле с кипятком сухие, мелко порубленные листья Иванчая, добавив в напиток немного сухой малины.

Ужин получился – как ужин, где-то даже уже и привычный. Жирную тушку запеченного в русской печи гуся оставили на завтра, чтобы с утра не тратить драгоценного времени на приготовление пищи.

У Федониных изба была более просторной, чем у Егора и Александры, поэтому к Генке и Юле на постой были определены супруги Нестеренко и Поповы-Брауны. Он же пригласил к себе на ночлег чету Быстровых. Логика здесь была проста, как элементарная двухкопеечная монета: Петька с Василием чуть друг друга не поубивали сегодня, следовательно, их нужно развести по разным углам...

Василий и Галина были гостеприимно уложены в спальне, на высоком, плотно набитом хорошо просушенном сеном матрасе. Егор и Санька расположились прямо на тёплой русской печи, на которую предварительно были постелены два почти новых полушубка (кожуха – по-славянски).

Перед тем, как уснуть, Сашенька жарко прошептала ему в ухо:

– Егора, а почему ты так уверен, что кроме тебя здесь нет других агентов?

– В смысле?

– Да без всякого смысла... Ведь не только твоё ФСБ везде и всюду внедряет своих агентов. В мире хватает и других хитрых и коварных спецслужб... Не думал о таком варианте?

«Очень интересная и приземлённая мысль!», – уже засыпая, мысленно похвалил жену Егор. – «Надо будет потом всё это тщательно и дотошно обмозговать, прикинуть...».

Уже ближе к рассвету Егор проснулся от какого-то неясного и суежливого шума со стороны спальни.

– Ну, эти Быстровы, так их! Всё никак не могут угомониться! – недовольно пробурчал он себе под нос, вздыхая, перевернулся на другой бок и снова погрузился в сладкий и загадочный омут сна...

Показалось, или, действительно, стукнула входная дверь? Он соскочил с печи, ловко попав ступнями ног в низкие, хорошо разношенные войлочные тапки, стараясь не шуметь, подкрался к спальне, заглянул за льняной полог. Кровать, на которой ещё с вечера спали муж и жена Быстровы, была девственно пуста.

Уже совсем не заботясь о тишине, он, громко шлёпая войлочными подошвами о доски пола, выбежал в тесные сени, распахнул ногой незапертую входную дверь и выскочил на высокое крыльцо.

Серое тихое утро, на востоке испуганно теплилась скупая северная заря. Егор внимательно посмотрел в одну сторону, в другую. Так и есть: по хлипкому мостику, который каким-то чудом не пострадал во время прохождения через деревню могучего торнадо, на противоположный берег ручья торопливо перебирались две маленькие тёмные фигурки.

– Вот же, блин горелый, перепечённый! Куда же вас понесло, недоумков богатых? – от души высказался Егор и с чувством махнул рукой.

– Что случилось, милый? – в дверном проёме призывно забелела Сашенькина льняная, заманчиво-короткая рубаха.

– Да вот, наши шустрые супруги Быстровы задумали – самостоятельно идти на решительный прорыв. Невтерпёж им, видите ли, стало – насладиться благами цивилизации, – неприязненно объяснил Егор. – Ну, и Бог с ними! Подумаешь... Раз мы с тобой в избе остались одни, тет-а-тет, так сказать, предлагаю воспользоваться этой ситуацией по полной программе... Ты-то сама, надеюсь, не против?

Сашенька в ответ только негромко рассмеялась – тепло, ласково, со значением...

Утром выяснилось, что из печи пропал запеченный гусь.

– Детский сад какой-то, право! – ворчал во время завтрака Егор, ограничивая себя слегка разогретыми остатками вчерашней каши и холодной копчёной бобрятиной. – До железной дороги – километров пятьдесят пять, может, и все шестьдесят... Семь с половиной километров густым лесом, потом ещё восемь по сплошной предательской трясине. Дальше предстоит форсировать речку Чагодищу, и ещё более тридцати пяти километров идти по местным лесам и болотам... А эти Быстровы решили, что с помощью одного жареного гуся они этот маршрут легко преодолеют. Ну, не сумасшедшие ли, а? Ладно, приступаем к насущным делам!

Егор решил половину съестных припасов, одежды, посуды и всего прочего скарба спрятать в подземной пещере, случайно обнаруженной у Чёрного озера – во время отлова в июне месяце утят и гусят. Вернее, пещер было две. Над озером нависал высоченный обрывистый холм, с северной стороны которого располагался вход в короткую тупиковую пещеру. А в восточном пологом склоне неожиданно обнаружился целый комплекс разветвлённых подземных пустот: ходы, ниши, штреки, штольни, большие и совсем крошечные камеры, переходы, кривые ответвления... В одном, почти квадратном подземном зале Сеня Браун обнаружил даже самый настоящий солончак, два мешка соли набрали тогда. Соль, правда, была немного желтоватой, вперемешку с каменным мусором, но в их ситуации выбирать не приходилось...

– В тяжёлые и смутные времена надо – в обязательном порядке – делать тайники. А яйца держать, по возможности, в разных корзинах, – ещё раз терпеливо объяснял Егор подчинённым это своё решение. – Всякое бывает на этом непростом свете, поэтому дополнительно перестраховуемся. Потеряем несколько суток, конечно же. Да ничего, иногда излишняя спешка только вредит делу...

Основная часть коллектива занялась переноской грузов в пещеры, до которых было порядка десяти километров. Егор и Сеня Браун несуетливо забили свинку Ванду, зарезали оставшихся гусей, освежевали, разделали, засолили – со знанием дела – куски мяса в бочонках.

После этого славяне разобрали один из уже ненужных сараев и принялись переносить доски и прочие пиломатериалы к пещерам. Егор хотел оборудовать в восточной пещере полноценный склад – со стеллажами и полками. А ещё и дверь было необходимо навесить на вход, чтобы всякие разные голодные животные и грызуны не добрались до их провианта.

Дверь, надо признать, получилась откровенно неказистой и грубоватой, зато очень надёжной и прочной. Петли, естественно, были кожаные, закреплённые к каменному торцу пещеры с помощью бронзовых костылей, вбитых в узкие трещины.

Тут-то и выяснилось, что Симон Браун – мужик весьма рачительный и хитрый: контрабандой, в тайне от всех, он привёз на реалити-шоу два тюбика супер-клея на эпоксидной основе. Впрочем, в этом мелком жульничестве Сеня был не одинок. Егор, не ставя организаторов в известность, захватил с собой, благо их никто не обыскивал, коробочку с победитовыми пробойниками и свёрлами. Сашенция – плоскую шкатулку с разными нитками и иголками, две чистые общих тетради и набор разноцветных шариковых ручек. Галина и Наташка – тюбиков с разной косметикой и гигиеническими кремами. Генка Федонин – две катушки с современной леской и жестянку с самодельными мормышками, разнообразными крючками, тройниками, проволочными карабинами и свинцовыми грузилами.

Они щедро залили в трещины пещерной «дверной коробки» Сениной эпоксидки, выждали рекомендованное время, после этого аккуратно вбили в эти трещины солидные бронзовые костыли, на которых и держались дверные петли. Очень даже крепкая дверь получилась. Взрослому медведю, конечно, не помеха, но кто помельче из зверья – им с такой преградой не справиться.

После этого – при непосредственном Санькином участии – оборудовали широкими стеллажами и полками просторную подземную камеру, отведённую под основной склад, начали размещать на них доставленный груз.

Только на третьи сутки – с момента начала операции – завершили все запланированные работы. Понимая, что люди порядком вымотались, Егор решил урожай овощей в пещеру не перетаскивать, мол, и так нормально. Часть моркови и капусты, да и ведро противоязвотного картофеля, всё же перетащили в пещеру.

Усталой, но дружной цепочкой отряд возвращались в деревню, на западе широкой оранжевой полосой лениво догорала вечерняя медлительная заря. Вот и хлипкий мостик через узкий Боровой ручей, совсем рядом с ним – рукой подать – две знакомые избы, чудом уцелевшие во время недавнего разрушительного смерча.

Санька, шедшая первой, вдруг резко остановилась и характерным жестом подняла вверх правую руку – с растопыренными пальцами ладони:

– Стойте все, слушайте! – скомандовала напряжённым шёпотом. – Слышите? Там кто-то плачет!

Действительно, от дома Федониных доносился усталый женский плач, временами переходящий в тоненькое и нудное повизгивание.

– Это же наша Галка рыдает! – узнала Наташка Нестеренко. – Побежали быстрее, узнаем, в чём там дело!

– Эй, торопыги, отставить сейчас же! – жёстко распорядился Егор. – Я первым с ней поговорю...

Галина выглядела, мягко говоря, очень плохо: похудевшее и измождённое лицо, глубоко ввалившиеся, постоянно слезящиеся тусклые глаза, растрёпанные и бесцветные – некогда платиновые – волосы, оцарапанная правая щека... Левая рука женщины была неумело забинтована какой-то грязной, на половину окровавленной тряпкой. Санька тут же кинулась к избе – за своей волшебной лесной аптечкой.

– Что случилось? Где Василий? – жёстко спросил Егор, не обращая внимания на жалостливые женские вздохи за спиной. – Отвечай чётко и коротко. Прекрати сейчас же рыдать, мать его! – и добавил – уже гораздо тише: – Успеешь, Галя, потом наплакаться вволю – в объятиях верных подруг. Итак, где Василий?

Женщина перестала плакать, торопливо вытерла мокрое лицо подолом своей грязной и рваной понёвы, очень внимательно посмотрела Егору прямо в глаза и ответила – мёртвым и равнодушным голосом:

– Нет больше моего Васеньки. Утонул в болоте, вчера ещё...

– Подробнее! Излагай, не стесняйся!

Быстрова хмуро уставилась в землю:

– В первый день мы дошли до болота. А там очень топко, страшная трясина. Весь день ходили по её краешку, даже на метр дальше не продвинулись. Заночевали в лесу, у костра, отойдя от болота метров на сто пятьдесят. Может, на двести... Я всё Василька уговаривала, мол, давай вернёмся в деревню, вместе со всеми будем выбирать. А он не соглашался, хотел ещё раз попробовать. Всё твердил: – «Если завтра до обеда не получится, вот тогда и вернёмся. Стыдно, конечно же, но – вернёмся...»... Утром опять пошли вдоль кромки болота, постепенно забирая на северо-запад. Увидели какие-то чёрные жерди во мху... Вася сказал, что это называется «гать», такая дорога через болота, только очень и очень старая. Пошли по этой гати: он первый, а я за ним – в десяти метрах... И пяти минут не прошло, как он провалился куда-то... Только что шёл впереди, а через секунду только голова его торчит над землёй... – женщина спрятала лицо в ладонях, и принялась равномерно раскачиваться вперёд-назад.

– Что у тебя с рукой? – заботливо спросила Санька, присаживаясь рядом с Галиной на корточках и извлекая из своей сумки куски льняной материи и пузырьки с разными лекарственными настоями.

– А это меня он, Василий, полоснул ножом... Я его схватила за плечо и давай вытаскивать. А ничего не получается... Он всё погружается вниз и меня тянет за собой. Кричит: – «Оставь меня, Галя! Уйди! Уйди!». А я ведь упрямая, не ухожу... Василёк тогда как-то исхитрился, вытащил нож из ножен и ударил им меня по руке... – Галина не могла больше сдерживаться и громко зарыдала...

Наташка Нестеренко, грубо и беззастенчиво оттеснив Егора в сторону, бросилась подруге на шею, через несколько секунд Вера и Юля последовали её примеру...

«Женская дружба – великая и непобедимая сила!», – решил про себя Егор. – «А наш покойник-то, похоже, не был до конца законченной сволочью. Что-то доброе и в его грубой душе, избалованной халявными баблосами, жило себе, поживало...».

Времени терять не стоило, он уверенно вошёл в избу, разжёг в печи огонь и занялся приготовлением полноценного ужина. Остальные мужчины отряда решили на совесть протопить баню, мол: – «Когда ещё в следующий раз удастся полноценно помыться?»

Через двадцать минут появилась Сашенция, устало чмокнула Егора в небритую щёку, неуклюже примостилась на стареньком табурете.

– Ну, как дела? – поинтересовался Егор, оперативно и умело переворачивая на бронзовой сковороде карасей, начинающих подгорать с одного бока. – Перевязала? Кстати, а где она, то бишь – Галина, болталась целые сутки? Василий-то утонул ещё вчера, а она объявилась только

сегодня. А от того места до деревни – километров десять-двенадцать, не больше. Ну, и? Что там ещё приключилось?

Санька скорчила неопределённую и смешную гримаску:

– Говорит, что злобные и очень голодные волки отрезали ей дорогу назад. Мол, не пропускали, и всё тут! Пришлось идти в обход... Мол, всю ночь просидела на высоченном дереве, трясясь от липкого страха. Волки бегали где-то рядом, она слышала их глухое рычание. А утром зверей уже нигде не было видно. Тогда Галя слезла с дерева, да и пошла к деревне. Вот такая история...

Егор недоверчиво покачал головой:

– Волки? Полная ерунда! Откуда им здесь взяться? Организаторы реалити-шоу всё многократно проверили с вертолётчиков и клятвенно обещали, что никаких хищников в этом районе не будет. Хотя, похоже, все их многочисленные обещания и выеденного яйца не стоят...

После завтрака состоялось уже вполне традиционное утреннее построение списочного состава. Егор, заложив руки за спину, привычно прошёлся вдоль строя подчинённых и объявил:

– Ставлю задачу на ближайшие двое суток. За означенное время мы должны изготовить девять пар лыж и такое же количество лыжных палок... Почему не слышу вопросов?

– Каких ещё – лыж и лыжных палок? Зачем? – первой отреагировала рыжая Наташка Нестеренко. – Шутка такая, командир, да? Для поднятия воинского духа и общей бодрости?

Егор широко и добродушно улыбнулся:

– Не угадали, на этот раз, уважаемая ведьмочка! Всё на полном и взрослом серьёзе... Лыжи нам необходимы для успешного прохождения через топкие вологодские болота. Всё уже, надеюсь, поняли, что с местными болотами шутки плохи? Вот то-то же! Поэтому женская часть коллектива до обеда отдыхает и собственно готовит оный обед, а после завершения обеда – занимается протопкой бани. Причём топить на этот раз попрошу на совесть, без халтуры! Штук десять берёзовых веников хорошенько замочите в кипятке... Смотрите у меня, шалавы несерьёзные!

– Командир! Так вчера же была баня! – встряла обычно молчаливая Вера Попова. – Зачем же – каждый день?

– Объясняю для особо непонятливых. Вчерашняя баня была – для помывки грязных и потных человеческих тел. Сегодняшняя – для изготовления дельных лыж! Всем всё ясно?

Списочный состав тарашился на него с полным непониманием, одна только Санька – с неммым и искренним обожанием...

Изготовление лыж начали с разборки второго, уже ненужного сарая.

– Болотные лыжи, они кардинально отличаются от лыж обычных, – доходчиво и терпеливо объяснял Егор. – Во-первых, они достаточно короткие, метр десять – метр двадцать, чтобы случайно не запутаться в густом мху и высокой траве, и не упасть после этого в зыбкую трясиину. Во-вторых, они должны быть достаточно широкими, не менее двадцати сантиметров, можно и чуть шире... Исходя из этих соображений, мы и отбираем исходный материал – доски, то бишь. Всё, приступаем! Естественно, что в одной паре лыж доски должны быть одинаковой толщины. Когда доски уже подобраны, делаем их одинаковой длины. При помощи пилы, естественно. Потом заостряем им носы – при помощи острого топора. Угол заострения должен быть градусов восемьдесят, но и девяносто подойдёт. Главное, чтобы у обоих лыжин – из одной пары – данный угол был бы одинаков... А ты, Гена, иди-ка в лес, сруби десятка три тонких осинок и рябинок для лыжных палок, таких, чтобы комель в диаметре был сантиметра три – три с половиной...

К обеду большая часть запланированных работ была успешно завершена. Во время послеобеденного чая Егор улучил минутку и незаметно для остальных отозвал Галину Быстрову в сторону. После вчерашней бани и полноценного ночного отдыха женщина немного

пришла в себя, повеселела, похорошела, её волосы опять приобрели симпатичный платиновый оттенок.

– Галь, там Александра что-то такое говорила про волков, которые тебе подло загораживали дорогу. Неужели, в самом деле, правда?

– Так всё и было, командир, – женщина сразу же нахмурилась и неуютно передёрнула плечами. – Как вспомню, так сразу же бросает в мелкую дрожь.... Я уже прошла половину пути от болота до Алёховщины, повернула по тропинке, тут и вылетела на них.... Стоят себе на круглой лесной полянке: задрали совсем ещё молоденького лосёнка и жадно рвут на части.... Волки или одичавшие собаки? Трудный вопрос, командир. Не знаю, честное слово.... Мелкие они какие-то, слегка рыжеватые. Угрожающе так смотрели на меня, скалились мерзко. Шесть штук их было, метров тридцать пять до них оставалось, не больше.... Я от всего пережитого вдруг осмелела, убежать не стала, наоборот, раскричалась на них от души. Всё рассказала: как мы сдуру связались с этим реалити-шоу, как коричневые «грибы» неожиданно выросли, как мой родной мужик бездарно утонул в болоте.... И выражений я не выбирала. Ты же знаешь, командир, на меня находит иногда.... А они стоят, смотрят на меня, и внимательно так *слушают*.... Представляешь, *слушают*? *Слушают*?! Вот тут то я испугалась уже по настоящему. Что делать дальше? Стала отступать потихоньку, пошла в дальний обход.... А они негромко поурчали друг на друга, словно бы переговариваясь между собой, и остались на полянке. Принялись непринуждённо доедать лосёнка, как будто и не было меня...

Пока протапливалась баня, мужчины закончили возиться с досками.

– Сейчас будем носики загибать у болотных лыжин, – объявил Егор. – Надо, чтобы они смотрели строго вверх. Чтобы не цеплялись за высокую траву, а приминали её.... Может, за сегодняшний день и не успеем, завтра снова придётся заниматься банными процедурами. Первым делом замачиваем заострённые концы досок в крутом кипятке, потом парим берёзовыми вениками над жаркой каменкой, в банном пару, постоянно плеская на раскаленные камни горячую воду. Минут через десять распаренный конец лыжины закрепляем между плоскими камнями, так, чтобы доска располагалась наклонно, градусов под семьдесят пять по отношению к линии горизонта. На другой конец лыжины подвешиваем груз – килограмм десять-пятнадцать. Через полтора часа полностью повторяем всю операцию. Абсолютно ничего хитрого.... Ясна вам, уважаемые, технология? Тогда приступаем!

Егор оказался прав, пришлось с самого утра следующего дня снова топить баню, замачивать в кипятке новые берёзовые и дубовые веники.

– Всё, я больше не могу! – капризничал Симон Браун, непривыкший к банным утехам. – С меня сошла уже пара полновесных миллионов капелек пота.... Скоро жидкости в бедном организме совсем не останется!

Впрочем, всем приходилось тяжело. Зато лыжи получились просто на загляденье: концы загибались по правильной крутой параболе и задорно смотрели прямо в осеннее неприветливое небо...

Потом до самого вечера они занимались лыжными креплениями, используя для этого все сыромятные ремни, имеющиеся в наличии, а также порезанную на тонкие полоски старую лосиную шкуру и некоторые элементы повседневной одежды.

– Всё, ребята, хватит! Молодцы вы у меня! – устало улыбаясь, резюмировал на закате Егор. – Сейчас плотно ужинаем и ложимся спать. Завтра поднимаемся очень рано и идём на решительный прорыв! С собой берём только запас продовольствия на пять суток, тёплую одежду, минимум посуды, могущей пригодиться в этом походе. Всё! По базе отряда «Живём – как в старину» объявляется отбой! Спокойной вам ночи, дорогие славянские товарищи!

Они вышли на маршрут на самом рассвете, не тратя время на завтрак, и к девяти утра дошли до болот. Ясное голубое небо, безветрие, полное отсутствие облаков.

– Привал! – довольно объявил Егор. – Разводите костёр, славяне, готовьте сытную трапезу! А мы с Александройходим на разведку...

По самой кромке болота они пошли строго на запад. Через каждые сто пятьдесят метров Егор останавливался, подносил к глазам мощный бинокль, внимательно осматривал окрестности и разочарованно крутил головой.

– Егора, а чего высматриваешь? – тепло спросила Сашенька. – Ты расскажи, может, я увижу.

Он улыбнулся и показал рукой на невысокий кустик, внешне напоминающий разновидность обычной осоки:

– Эта трава называется «белоус». Видишь, у неё по бокам растут листья с серебристой сердцевинкой? В солнечную погоду их можно заметить издали. Даже с двухкилометрового расстояния... Так вот, это и есть наш заветный талисман, который укажет безопасный путь. Понимаешь, каждое болото – когда-то раньше было озером. Непременно. Это озеро – на протяжении многих тысяч лет – медленно мелело, зарастало мхом, осокой, другой травой, постепенно превращаясь в непроходимое болото. Шли годы, болото начинало высыхать, люди прокладывали по нему пешеходные тропы, вдоль этих троп и вырастал белоус: его семена очень клейкие, всегда на время прилипают к одеждам случайных путников. Потом, как правило, опять наступал дождливый период, длящийся многими десятилетиями, болота опять становились непроходимыми, а белоус по-прежнему рос вдоль старых и надёжных троп. Понимаешь, недотёпа? Тропа белоуса – наша единственное спасение... Вот нам с тобой и надо – высмотреть такую «серебряную» тропу. Не более того...

– Откуда ты всё это знаешь? – тихо спросила жена.

– От верблюда! Учили, знаешь ли...

– Отдавай бинокль! – безапелляционно заявила Сашенция. – Общеизвестно, что женщины гораздо более наблюдательны, чем растяпы-мужчины. Отдавай немедленно!

Пришлось отдать, ничего не поделаешь, себе дороже...

Через десять минут Сашенька уверенно заявила:

– Вон она, твоя хваленая «серебряная» тропа! Не веришь? Сам полюбуйся! Наводи бинокль вон на ту кривую сосну, а потом очень плавно опускай его вниз. Видишь, недотёпа?

Пришлось, всё же, признать Санькину правоту: серебряные листья белоуса сверкали на солнце через каждые пять-семь метров.

– Молодец! – искренне похвалил жену Егор. – Глазастая ты у меня!

– Это точно, – довольно улыбаясь, согласилась Сашенция. – Иначе как бы я тебя высмотрела семь лет назад? А ведь высмотрела! Мало того, что высмотрела, так ещё и полноценным человеком сделала, даже заставила поступить в институт...

Егор крепко заткнул уши – на эту тему Сашенция могла рассуждать часами...

Через сорок минут отряд в полном составе – с болотными лыжами наготове – собрался около приметного красно-бело-розового гранитного валуна, от которого отходила старинная тропа, чётко и однозначно помеченная кустиками белоуса.

– Все надели лыжи! – строго велел Егор. – Проверили надёжность креплений! Ага, молодцы... Я иду первым. За мной – Вера Попова. Дальше кто-нибудь из мужчин, на Верино усмотрение... Принцип простой: мужчина – женщина, мужчина – женщина. При этом супруги не должны идти рядом. Понятна идеология? Идём чётко след в след!

Пошли медленно, со скоростью километра полтора в час, размеренно и неторопливо.

Не обошлось и без неприятных сюрпризов. Минут через двадцать Наташка Нестеренко неуклюже оступилась, зашаталась и, громко завизжав, навзничь упала в болото. Вытащили, конечно же, совместными усилиями, в конце процесса даже пересмеиваясь и отпуская солёные шутки.

– Отставить, – зло прошипел Егор. – Совсем офигели, чудики? Соблюдать полную тишину.... Кто его знает – что, или кто нас ждёт у речки? Всё, братва, идём дальше. А ты, Натка, потом обсохнешь, когда выйдем в безопасное место...

На изломе этого длинного вечера Егор, наконец, увидел впереди узенький оловянный серп – излучину Чагодищи. Пройдя вперёд ещё метров семьсот пятьдесят, он обернулся к Вере Поповой:

– Сообщи по цепочке: пусть Александра передаст мне бинокль...

Он поднёс бинокль к глазам, со знанием дела повертел настроечные колёсики.

Увиденное совершенно не вдохновило: вдоль противоположного берега реки возвышался высокий и крепкий забор, оплетённый многочисленными рядами колючей проволоки. Егор перевёл оптический прибор чуть ниже, на свой берег: потревоженная земля, многочисленные ярко-зелёные кочки, холмики бурого торфа, большие таблички на колышках – сродни тем, что можно увидеть в городах, на них ещё крупно так начертано: «По газонам не ходить!». Надпись на табличках совсем не читалась – вследствие большого расстояния, но он был почему-то на сто процентов уверен – неизвестным шестым чувством – что там было написано: «Осторожно, мины!».

Егор, грязно ругнувшись про себя, спокойно попросил стоящую за его спиной Веру:

– Узнай, пожалуйста, имеет ли кто из команды, кроме меня, ясен пень, какое-либо отношение к сапёрным делам. Если кто имеет, то пусть подойдёт. Выполнять!

Через пару минут на его плечо мягко опустилась тонкая женская рука. Слегка повернул голову – рыжая шевелюра Наташки Нестеренко.

– Ну, тебе чего?

– Ты же, командир, искал опытного сапёра? – прозвучал неожиданный и чуть насмешливый ответ. – Вот она я и пришла. Видишь ли, я в юношеском переходном возрасте была – дура дурой: всё мечтала поступить в какое-нибудь военное училище, чтобы всегда рядом было много молодых людей – для расширенного выбора, так сказать.... Вот с тринадцати лет я и заделалась рядовым бойцом в одной общественной организации, где с утра до вечера только тем и занимались, что собирали и разбирали автоматы, заминировали поля, разминировали – поля.... После десятого класса поступила в Брянское Инженерное Училище (я сама родом – из Брянской области), учётная специальность – командир сапёрного взвода. Тогда уже можно было – девчонкам поступать в военные училища. Демократия и равноправие в действии, так сказать.... Отучилась два с половиной курса, неожиданно встретила своего Петьку. Он уже тогда был солидным человеком: свой бизнес – по розничной продаже постельного белья, Универ питерский заканчивал – по факультету журналистики, «Вольво» шестилетка – под спортивной задницей. Повзрослела я сразу и окончательно. Попрощалась со своими юношескими идеалами – светлыми и наивными. Ушла из училища, вышла за Петра замуж, превратилась в закаменелую бизнес-вумен.... Но ранее полученные сапёрные навыки, они же при мне остались? Точно, остались, последней сукой буду! Чего делать-то надо, командир? Говори, помогу – чем смогу. Особенно по противопехотным минам я много чего знаю, имею практический опыт по разминированию....

Когда до предупредительных табличек оставалось метров семьдесят-восемьдесят, Егор резко махнул рукой:

– Всё, привал! Отдыхайте, родные, перекусывайте. А мы пока с Наташей ходим на развлекательный променад.

Пошли вперёд, предварительно сняв с ног лыжи, вооружившись длинными булатными штырями, которые служили их предкам чем-то вроде современных шампуров.

– Стоп, командир, – прошептала Наталья, когда до первой предупредительной таблички осталось метров десять-двенадцать. – Давай-ка, проверим на вшивость эти кочки, какие-то они – совсем «свежие»....

В данном случае Егор со своей напарницей был полностью согласен: создавалось устойчивое впечатление, что ещё вчера здесь бегала целая куча людей, завершая в срочном порядке какие-то очень важные работы, порученные им какими-то не менее важными людьми, облечёнными нешуточной властью...

Егор осторожно «поработал» с кочкой заострённым булатным прутом, положительно кивнул головой, мол: – «Давай, действуй дальше!».

Натка понятливо подмигнула, вынула из ножен широкий и длинный бронзовый клинок, ловко срезала верхний слой дёрна. Обнажился толстенький стальной диск мины с свернутым в его тело взрывателем.

– Можно, командир? – выдохнула одними губами Наташка. – Я обязательно справлюсь! Тут работы-то – полная ерунда, на сорок секунд! Можно?

Как в таких случаях и полагается, Егор этот вариант не одобрил и первые три мины обезвредил лично, а потом махнул рукой:

– Потренируйся, чего уж там!

Четвёртая мина, пятая, седьмая... До берега реки, ограждённого высоким забором с колючей проволокой, оставалось метров двадцать.

Егор призывно махнул рукой и сообщил подошедшим товарищам:

– Сейчас будем форсировать реку, а потом – перебираться через забор. План операции следующий...

Сглазил, понятное дело. Громкий и мужественный голос, многократно усиленный мощным китайским мегафоном, жёстко произнёс:

– Всем отойти от речного берега! Я что сказал, мать вашу? Отойти немедленно, висельники! Кто у вас банкует?

«Я и банкую», – насмешливо подумал Егор. – «Двадцать метров до берега реки. Чагодища – сама по себе – река не велика, метров пятнадцать-восемнадцать. Что же, пора взглянуть, кто там у нас прячется...».

– Ложись! – заорал Егор и – что было сил – метнул единственную гранату, стараясь попасть непосредственно в забор, обнесённый колючей проволокой.

Рвануло очень качественно, часть забора исчезла, предоставляя право беспопылинно обозревать – через десятиметровую пробоину – северные осенние леса.

Дым рассеялся, вологодское эхо где-то испуганно спряталось, претворяясь, что его и не было никогда...

Из густого белёсого тумана на противоположном берегу реки, в проёме, освобожденном от проволочного ограждения, показалась наглая и сытая морда в полевой военной форме. На сутулых плечах незнакомца красовались полковничьи погоны.

– Ловите инструкцию, идиоты свинские! – насмешливо провозгласила морда, и сильно швырнула в их сторону серый громоздкий комок.

Егор, соблюдая элементарное самоуважение, неторопливо подошёл к упавшему предмету, подобрал. Понятное дело – продолговатый булыжник, завернутый в бумагу.

– Ну, и что тут у нас? – сам у себя спросил Егор, отбросил камень в сторону, разглядил на коленке мятый бумажный листок и начал читать – размеренно и громко, чтобы слышали все члены отряда: – Уважаемые россияне! В районе вашего проживания произошла техногенная катастрофа! На территории района объявляется строгий санитарный карантин! Выход за пределы земельного участка, огороженного забором с колючей проволокой – строго запрещён! Все попытки несанкционированного ухода из заражённого ареала будут жёстко пресекаться – вплоть до физического уничтожения неосознательных граждан! Срок действия санитарного карантина – один год, начиная с пятого сентября текущего года. Просим проявлять сознательность и благоразумие! Чрезвычайная временная Администрация.

– Сознательность и благоразумие? – разгневанно удивилась подошедшая Наташка. – Уроды малосольные! Шутники хреновы! Да я вас всех, козлов безрогих, включая эту долбанную чрезвычайную Администрацию, имела многократно! Да я вас...

– Стоп, девушка! – непреклонно заявил полковник, и манерно поднёс к своим глазам бинокль – словно Берия – пенсне. – Если не ошибаюсь, перед нами находится мадам Натали Нестеренко – собственной персоной?

– Не ошибаешься, гнида в погонах!

– Тогда, огонь! – полковник решительно махнул рукой.

Невидимые стрелки нажали на невидимые спусковые курки своих невидимых автоматов, несколько коротких очередей слились в одну, и Наташка, изрешечённая ни одним десятком свинцовых пуль, плавно опустилась на кочковатую землю...

– Нет! – тоненько и страшно закричал её муж Петька и бросился к обмякшему телу жены, обнял её за уже мёртвые плечи. – Нет!

– Всё понятно, упрямые недоумки? – высокомерно и презрительно спросил полковник. – Будут ещё желающие – проявить своё неуважение к Властям? – секунд десять-двенадцать подождал ответа, не дождавшись, грозно рявкнул: – Пошли вон, мутанты сраные! Убирайтесь в свою грёбанную Алёховщину, грязные уроды! Через год встретимся! Вопросы?

– Тело можно с собой забрать? – спокойно спросил Егор.

– Забирайте!

Наталию похоронили на маленькой, идеально круглой полянке, густо покрытой тёмно-бордовой перезрелой брусникой. Ножами и топорами выкопали в каменистом грунте неглубокую и неровную яму, бережно опустили в неё тело, завалили землёй и камнями, между которыми установили крест, использовав для этого Наташкины же лыжные палки.

Отошли от свежей могилы на полкилометра, заночевали у походного костра.

– Что же это такое делается, командир? А? – тоскливо и обречённо, пряча глаза, спросила Вера Попова. – Как же так? У него же на плечах были офицерские погоны... Почему они сразу начали стрелять?

Егор задумчиво почесал правую бровь:

– Нам дали очень жёстко понять, что покидать означенную зону нельзя. Почему? Может, мы действительно страшно и непоправимо заразны. А, может, просто планомерно и настойчиво грузят различными загадками и непонятками...

– Зачем – «грузят загадками»? – удивился Сеня Браун.

– Вышел приказ: – «Грузить!», вот и грузят, – доходчиво объяснил Егор. – А сейчас где-то прямо над нами висит беспилотный самолёт, и кто-то очень подлый и коварный слушает – через хитрую аппаратуру – все эти наши разговоры и самодовольно потирает грязные ручонки... Вот такое вот реалити-шоу, блин славянский!

Ранним утром следующего дня они неспешно двинулись назад, по направлению к Алёховщине. Когда до деревни оставалось километра два с половиной, Вера Попова насторожённо вскинула вверх руку:

– Слышите? Там собака лает...

Глава четвёртая

Ни кола, ни двора

Дальше отряд двинулся вперёд очень медленно, максимально соблюдая осторожность, Егор и Санька сняли пистолеты с предохранителей. Скоро к собачьему лаю присоединились и другие подозрительные звуки: размеренный стук топоров, противный визг пил, громкие голоса людей. Можно было предположить с большой степенью уверенности, что деревню Алёховщину посетили нежданные и незванные гости.

– Это ведь очень хорошо, что там люди? – робко и неуверенно улыбнувшись Егору, спросила Юля Федонина. – Правда, ведь – хорошо, командир? И дело веселей спорится, когда вместе, когда – сообща. Я права?

Он только неопределённо пожал плечами:

– В теории это так. Но всё зависит от того, что там за люди. И люди ли вообще? Может, там какие-нибудь очередные злобные ублюдки – в человеческом обличье – встали на постой? В этих благословенных краях, судя по событиям последних дней, всякого можно ожидать...

Когда путники вышли к мосту через ручей Боровой, стало окончательно ясно: вокруг двух домов, уцелевших во время недавнего торнадо, были беспорядочно разбросаны шесть больших армейских, грязно-зелёных палаток, везде сустились люди – в форме защитного цвета и в непонятных чёрных робах. Всё это говорило о том, что незнакомцы решили обосноваться в Алёховщине надолго и в серьёз.

На узкой морковной грядке сидел невероятно худой человек, одетый, по меньшей мере, странно: чёрный замызганный ватник, на голове индивидуума красовалась новёхонькая пыжиковая шапка, на ногах – ярко-голубые кальсоны и низенькие светлые валенки с неуклюжими чёрными калошами. Человек за длинную ботву усердно выдёргивал морковь из мокрой земли, наспех мыл в мятом жестяном ведре и тут же жадно поедал, зловеще чавкая и безостановочно икая.

– Эй, морда наглая! – тут же высказалась Галина Быстрова, которая, похоже, уже полностью смирилась со смертью мужа и снова была готова ругаться со всеми подряд – по поводу и без. – Кончай жрать наши овощи, рожа протокольная! Ты сажал эту морковь? Сажал, я тебя спрашиваю? Нет? Да я тебя сейчас в порошок сотру! – Галка нагнулась и, недвусмысленно усмехнувшись, подобрала с земли толстую берёзовую палку.

Человек от неожиданности громко пукнул, испуганно уставился на путников совершенно безумными глазами и, смешно подпрыгивая – словно матёрый вологодский заяц – быстро побежал по направлению к палаткам.

– Ату его! – азартно воскликнула Галина, засунула в рот два пальца и звонко, по-разбойничьи засвистела.

– Отставить! – строго приказал Егор. – Не стоит сразу же пошло задираться и бездарно хамить. Тут, наоборот, дипломатия нужна самая натуральная, высокая и изошрённая...

Их явно заметили, возле палаток образовалась вполне объяснимая суета, люди в зелёном и чёрном бестолково забегали туда сюда. Наконец, от лагеря незнакомцев отделились три тёмные неясные фигуры и неторопливо двинулись по направлению к огородным грядкам.

– Всем оставаться на месте! – строго велел Егор, доставая из кармана пистолет. – На эти переговоры мы идём вдвоём с Сашкой...

– Такой вот семейный подряд у нас проявляется! – скептически и недовольно заявила Быстрова. – А я вот тоже хочу поучаствовать в предстоящем толковище! Почему, собственно, нельзя? Запрещаете? Белые люди, чёрные люди... Все равны, но кто-то из нас ровнее? У вас, господа Леоновы, имеются какие-то ужасно секретные тайны от коллектива? Скрываете что-то

важное? Их-то вон – трое... Ну, возьмите меня с собой! Пожалуйста! Обещаю ничего лишнего не болтать!

– Ладно, иди с нами, чёрт с тобой! – Егор недовольно махнул рукой и в среднем темпе зашагал навстречу неизвестным парламентарам.

Посередине и чуть впереди своих спутников шествовал настоящий, заметный и патентованный здоровяк: метра два ростом, широкоплечий, длиннорукий, облачённый в старенький овчинный тулуп на голое (до пояса) тело, застёгнутый на одну пуговицу. Грудь богатыря была густо покрыта чёрными курчавыми волосами, копна аналогичных волос красовалась и на его крупной голове, выпуклые щеки украшала жёсткая двухнедельная щетина. Чувствовалось в облике незнакомца что-то цыганское, немного диковатое и чуть-чуть недоброе. А глаза были совершенно обычными: светло-голубые, водянистые, с лёгким лукавым прищуром. Умные такие глаза, разные виды выдавшие – в ассортименте, явно, не маленьком...

«Вот именно таким я всегда себе и представлял Емельяна Пугачёва!», – непонятно к чему подумал Егор.

Рядом с «Емельяном» спокойно вышагивали два невзрачных мужичка в форме сотрудников министерства внутренних дел, с погонами старших прапорщиков на сутулых плечах. У одного из них в руках был классический армейский автомат Калашникова, а у второго – бельгийский карабин «Зауер» сорок пятого калибра.

Когда между переговорщиками оставалось метров пятнадцать-семнадцать, здоровяк мельком что-то шепнул своим спутникам, и те демонстративно забросили оружие за спины – стволами вниз.

Егор, криво улыбнувшись, запихал браунинг в боковой карман вогулы, Санька, понятиливо кивнув, засунула свой пистолет за широкий пояс – со стороны спины.

– Какие люди! – искренне обрадовался «Пугачёв». – Участники популярного реалити-шоу «Живём – как в старину»! Ну, надо же! Знаменитые супруги Леоновы – собственными персонами! А ты, молодка приметная и симпатичная, – лукаво и игриво подмигнул Галине, – не иначе, как знаменитая – на всю страну – госпожа Быстрова, отвязанная и беспринципная стервочка?

– Не тыкай мне, морда волосатая! – тут же ошетибилась Галка. – Мы с тобой гусей в полях не пасли и на тюремных нарах вместе не парились! А что до «стервочки», то спорить с тобой не буду. Что есть, то есть...

– Эх, красивая ты баба, Галиночка! – восхищённо покачал головой детина. – Только жалко, что замужняя. А то я бы приударил за тобой, поухаживал бы всерьёз, со всем нашим усердием...

– Уже не замужняя, – жёстко усмехнулась Быстрова. – Вдова я нынче, горемычная и одинокая, никому совсем не нужная...

– Как так?

– А вот так! На днях утонул в болоте мой благоверный, сразу и навсегда.

– Это в корне всё меняет! Придётся – в срочном порядке – вносить некоторые коррективы в своё поведение...

– Может, уважаемый, прекратим Ваньку валять и перейдём непосредственно к делу? – Егор решил прервать эту неуклюжую пикировку. – Наши имена вы уже знаете. Может, представьтесь, милостивые государи, в свою очередь?

Здоровяк широко и добродушно улыбнулся:

– А что, можно и представиться, тут никаких особых тайн нет. Вот это, – поочередно ткнул корявым пальцем в старших прапорщиков, – вертухаи на нашей зоне – в своём недавнем и позорном прошлом. А нынче – мои преданные и верные подельники, то есть – надёжные помощники на тернистом жизненном пути. Обоих Степанами зовут. Вот этот – Стёпа-жирный,

а этот, наоборот, Стёпа-худой. Меня же Пугачом кличут, погоняло такое. На Емельяна я также откликаюсь, и просто – на Емелю. Законник, естественно, был смотрящим на нашей зоне...

– А почему – был? – вкрадчиво поинтересовался Егор. – Ты, вроде, пока абсолютно живой.

Пугач неожиданно почернел лицом:

– Я-то живой, а вот зоны – больше нет. Четыреста двадцать зэков, охраны и обслуги – человек шестьдесят, все завернули ласты и дали дуба... Мы-то в подвальном помещении находились: я в карцере благополучно отдыхал – по гнусному доносу о предстоящем побеге, другие зэки столярничали в цеху, вертухаи – вертухаяли, как им и полагалось по их сучьей должности... Потом рвануло, по ушам шандарахнуло знатно, все сознание потеряли... Очнулся я, а одна стенка карцера обвалилась полностью, путь свободен. В коридорном тупичке оба Степана валялись без чувств. Забрал я у них оружие, связал крепко, пошёл по лестнице наверх – узнать как там и что. Лучше бы вовсе не ходил... Только трупы валялись повсюду. Странные такие: светло-серые, словно бы стеклянные, сапогом тронешь легонько – в пыль рассыпаются..., – Емельян помотал из стороны в сторону лохматой башкой, словно отгоняя эти неприятные воспоминания, и потерянно замолчал, устало прикрыв глаза.

– А дальше? – участливо спросил Егор.

– Дальше? Дальше начался большой и страшный пожар. Настоящий такой пожарище... Пришлось срочно уносить ноги. После пожара появился смерч, за ним – другой, третий... Даже землетрясение ощущалось небольшое, балла так на четыре с половиной – по умной шкале старика Рихтера. В речке Шаманке вся вода испарилась за пару-тройку минут: вовсе без остатка, до последней капли, вместе с рыбой, выдрами и раками... В семи километрах от нашей зоны был расположен закрытый городок К-145: что-то с военной химией связанное, совершенно и жутко секретное. Вот там оно и рвануло... Три больших «гриба», слегка покачиваясь, больше часа неустанно висели в небе, потом исчезли, словно бы – растаяли... В такой ситуации уже было не до личных амбиций и старинной лютой вражды. Объединились все выжившие индивидуумы в единый и сплочённый коллектив, меня атаманом назначили на общей сходке, по вашему – на легитимном собрании акционеров... На север пошли, подальше от этого проклятого К-145. Восемь зэков, четверо охранников да две барышни из медпункта. Плохо только, что обеим барышням-веселушкам уже далеко за пятьдесят. Не, сперва-то народу было гораздо больше, гораздо... Так кто-то в пожаре зажарился, несколько человек смерчи утащили безвозвратно... Так что, на данный момент, нас четырнадцать, сумасшедшего Савелия не считая. Ну, этого, который разгуливает в голубых кальсонах и в пыжиковой шапке... Имеется автомат с двумя запасными рожками, бельгийский карабин и двенадцать патронов к нему, ещё путная «тэтэшка», – демонстративно похлопал себя по правому пухлому карману.

Егор протянул Емельяну лист бумаги, прилетевший с другого берега Чагодищи.

– Вот, посмотри внимательно, господин атаман. Что думаешь по этому невесёлому поводу?

Пугач развернул бумагу, внимательно прочёл, недовольно покривился:

– Откуда она у тебя?

Егор коротко рассказал.

Пугач восхищённо захлопал себя по толстым ляжкам:

– Во, дают, звери! Говоришь, что вот так, по-простому, как бы между делом, они застрелили вашу рыженькую? Жалко, симпатичная была тётенька! Правда, без царя в голове, но симпатичная, почти как Галчонок, – лукаво и игриво подмигнул Быстровой. – Во, дают, суки позорные! Совсем оборзели, козлы драные, рогатые! Но, совсем не это главное, – небрежно достал из внутреннего кармана тулупа ещё один, несколько раз сложенный лист бумаги, в свою очередь протянул Егору: – Это сбросили с пролетающего самолёта. Там, – небрежно мах-

нул рукой на юг, – вся округа усеяна такими. Прочитай внимательно и ответь на простейший вопрос: чем эта бумага – отличается от твоей?

Егор прочитал и, не выдержав, громко выдал длинную, многоколенную и очень солёную тираду.

– Дорогой, что ты себе позволяешь?! – тут же не наигранно возмутилась Сашенька, будучи натурой крайне романтической и утончённой.

– Правильно! – бодро одобрил Пугач, – Молодец, чернявая! Своего мужика всегда нужно держать в ежовых рукавицах, чтобы не забаловал, ничего лишнего себе не взял в голову.... Так как, уважаемый Егор Петрович, улавливаешь разницу?

– Улавливаю, конечно. В моей написано, что санитарная карантинная зона вводится сроком на один год, а в твоей – что на целых пять лет...

– В том то всё и дело! – грустно усмехнулся Емельян. – Как это прикажешь понимать? А? Голимая лажа, ничем не прикрытая.... Никому в этом мире верить нельзя...

Санька легонько тронула Егора за локоть, едва заметно кивнула головой в сторону, – к ним прыгающей походкой приближался давешний любитель сырой моркови. Егор вопросительно посмотрел на Пугача.

– Ерунда, не бери лишнего в голову, – небрежно махнул тот рукой. – Это просто Савелий, он у нас чуть-чуть сумасшедший. Ну, не выдержал всего того, что довелось пережить за последние дни, вот крыша и съехала – самую малость. Бывает, дело-то насквозь житейское...

– Летит, летит, опять белый летит! – громко возвестил Савелий, тыча указательным пальцем в небо. – Белый опять прилетел! Белый...

Егор посмотрел в указанном направлении: высоко в безоблачном голубом небе чуть заметно перемещалось крохотное светлое пятнышко.

– Беспилотный самолёт? – опасливо спросил Пугач.

– Очень похоже на то, – утвердительно кивнул головой Егор. – Я его, гада, засёк ещё в первый день: бурые «грибы» встали над дальним лесом, а примерно через час и он нарисовался.

Емельян задумчиво почесал в затылке:

– Да и нас такая штука постоянно сопровождала повсюду. Как думаешь, Петрович, им там слышно, о чём мы здесь базарим между собой?

– Безусловно! И слышно и видно всё – в мельчайших подробностях и деталях. Сейчас у спецслужб такая навороченная техника имеется, нам с тобой, атаман, и не снилось никогда.... Ну ладно, всё это лирика лирическая. Может, поговорим о нашем совместном обозримом будущем?

– Поговорим, конечно, – покладисто согласился Пугач и невежливо гаркнул на душевнобольного: – Савелий, сучий выползок! А ну-ка чеши отсюда, убогий! Кому я говорю, рожа богомерзкая?

Савелий, высоко прыгая из стороны в сторону, тут же побежал к палаткам, громко крича всякую несурязицу:

– Апокалипсис! Славянская эра начинается! Апокалипсис! Славянская эра! Рыжие койоты идут! Берегитесь! Апокалипсис!

Откашлявшись и бросив чуть смущённый взгляд в сторону Галины, Пугач непреклонно заявил:

– Не будет у нас с вами никакого совместного будущего! Вы сами по себе, мы сами.... Тяжёлые нынче наступили времена, приближается зима. И, судя по всем народным приметам, зима эта будет суровой, очень снежной и морозной. Как бы так оно.... Очень непростое дело – пережить такую лютую зиму.... Короче говоря, деревня теперь наша, да и найденные припасы – также. Трофеи, так сказать, блин! Говорите, что это – натуральное свинство? Согласен, свинство и натуральное скотство. А что прикажите делать? Ваш цирк-шапито назывался: – «Живём – как в старину»? Вот и будем жить – как в дремучую старину! Вернее, как в диких

и первобытных джунглях... Принцип первый: человек человеку – волк! Второй принцип: кто смел – тот и съел! И третий, основополагающий: каждый – сам за себя! Вопросы?

– Да нет, чего там, всё досконально понятно, – невозмутимо пожал плечами Егор. – Может, всё же, припасы разделим по-честному?

– Ничего не получится, брат! – широко улыбнулся Пугач, без всякого стеснения демонстрируя всем окружающим жёлтые, без всякой меры прокуренные зубы. – Честность на сегодняшний день полностью отменяется. Кто смел, тот и съел! Так что, любезные, идите-ка своей дорогой и помните, что если будете ошиваться рядом с нашей деревенькой, то мы будем стрелять на поражение... Что такое?

Один из Степанов подошёл к атаману, встал на цыпочки и что-то горячо зашептал ему в ухо.

– Может ты и прав, родимый, – выслушав подчинённого, раздумчиво сообщил Емельян. – Тут такое дело, господа и товарищи... Я-то ваше реалити-шоу всего несколько раз смотрел, между регулярными посещениями карцера, а вот мои Степаны регулярно пялились в телевизионный ящик. Так вот, они утверждают, что вы, господа Леоновы, ребята очень даже дельные и трудолюбивые, могущие принести всему коллективу реальную и ощутимую пользу. Пистолеты, опять же, у вас имеются... Поэтому у меня будет следующее предложение, подкупающее своей прямоотой и оригинальностью: предлагаю вам троим вступить в нашу славную ватагу, которую я имею честь возглавлять. Супруги Леоновы – как полноправные и серьёзные подельники, Галчонок – в качестве моей верной подруги. То есть, полноценной и любимой атаманши. Как вам такой козырный расклад?

– А что же будет с остальными? – растерянно спросила Галина.

Пугач неопределённо помахал в воздухе рукой:

– Что захотите, то и будет... Хотите – благородно отпустим на все четыре стороны. Хотите – застрелим, чисто на всякий случай. Вам решать...

Егор склонил голову в церемонном полупоклоне:

– Благодарю за оказанное доверие! Но вынужден, атаман, решительно отказать вам! Полученное в юности воспитание, старомодные представления о чести, знаете ли, и всё такое... Ну, вы меня, наверно, понимаете...

– Какие могут быть вопросы? Тебе оно виднее, Егор Петрович! – Емельян, как показалось, несколько не удивился такому ответу. – Куда теперь направитесь, если, конечно, не секрет?

– Совсем и не секрет. Мы идём к Чёрному озеру.

– Слышал о таком озере. Бывать не доводилось, но прекрасно представляю, где это...

Егор задумчиво почесал правую бровь:

– Это я тебе для того говорю, чтобы ваша банда не ходила в те места. Мы тоже умеем стрелять на поражение. Опять же, капканов и ловушек наставим разных... Такой вот элементарный и полностью справедливый паритет: мы не ходим к Алёховщине, вы – к Чёрному озеру. Договорились? Лады?

– Договорились, – не очень-то и уверенно протянул Пугач. – Только давай сделаем несколько взаимных исключений из этого железобетонного правила. Первое: если ты захочешь перетереть – лично со мной – какую-нибудь интересную тему, то смело приходи в любое время, но один и без оружия. Второе: я тоже – один и без оружия – могу приходить к вам. С тобой поболтать, или, например, с Галчонок, – Быстрова громко и независимо фыркнула, но только этим почему-то и ограничилась.

– А, третье?

– Третье – это Савелий. Убогому ведь не объяснишь, что можно, а чего нельзя... Принимается?

– Принимается...

Остальные члены отряда отнеслись к достигнутым дипломатическим договорённостям по-разному.

Пётр Нестеренко, такое впечатление, пропустил рассказ Егора мимо ушей, сидел такой весь грустный и печальный, полностью погружённый в себя. Генка и Юля Федонины только понимающе переглянулись между собой. А вот Сеня Браун неожиданно для всех ударился в бесконечные философские рассуждения на актуальную и животрепещущую тему: – «Что представляет собой настоящий джентльмен, и как странно, что на этой замечательной планете ещё встречаются несознательные индивидуумы, которые этого не понимают...».

– А ты, командир, молодец! – скупой похвалила Егора Вера Попова. – Если бы мы тогда часть продовольственных припасов не перетасили в пещеру, было бы совсем тоскливо и безысходно, а так – ещё повоюем, покувыркаемся вволю...

– Отставить пошлую лесть! – сухо приказал Егор. – Дело уже движется к обеду, а нам до Чёрного озера ещё километров десять-одиннадцать пилить. Всё, незамедлительно выходим на маршрут! – поднялся на ноги и уверенно зашагал на северо-восток.

Входная дверь в пещеру была цела, только по самому низу сильно поцарапана чьими-то крепкими и острыми когтями.

– Барсук старался, сукин кот! – внимательно осмотрев совсем свежие царапины, однозначно определил Егор. – Видимо, где-то поблизости расположена его нора. Надо будет обязательно поискать, в нашей непростой ситуации дорог любой кусок мяса...

Наспех помывшись и поплескавшись в крохотном ручейке, они плотно пообедали – одновременно и поужинали. После чего оборудовали в пещере спальные места, натаскав свежего елового лапника, распределили очерёдность ночных четырёхчасовых дежурств (бережёного – Бог бережёт), и завалились спать.

Егор заступил на пост последним, в четыре часа утра, сменив сонного Генку Федонина. Сидел себе у входной двери в пещеру, кутаясь в тёплый кожух,⁷ вслушивался в звуки ветреной сентябрьской ночи и усиленно размышлял, составляя в уме предварительные черновые планы – относительно первоочередных работ на ближайшие дни. Тихонько напевал себе под нос:

Вновь – навалилась осень. Гуляют дожди – по проспекту.
Капли стучаться в стёкла – таинственной – чередой...
И, опавшие листья, унесённые ветром,
К нам возвратятся снежинками – ранней – зимой...

И, опавшие листья, унесённые ветром,
К нам возвратятся снежинками – ранней – зимой...

С климатом, действительно, творилось что-то совершенно необъяснимое и откровенно странное: вечером было достаточно прохладно – плюс два-три градуса с холодным пронизывающим северным ветерком, а перед самым рассветом неожиданно потеплело, ветер стих, а из низких серых туч пошёл маленький тёплый дождик – вперемешку с крупным серым пеплом.

«А ведь, примерно плюс пятнадцать градусов будет сейчас», – на глазок определил Егор, небрежно стряхивая с плеч ещё горячий пепел.

От Чёрного озера доносился громкий, несмолкаемый птичий гогот: это гусиные, лебединые и утиные стаи готовились к своему ежегодному осеннему марафону...

Примерно в семь часов утра он разжёл большой жаркий костёр: уложил вокруг соснового корневища-выворотня мелкий сухой хворост, в самую середину щедро напихал обрывков бело-розовой бересты, пощёлкал кремневым кресалом.

---

⁷ – Кожух – славянский аналог полушубка.

Когда огонь весело разгорелся, Егор сходил за чистой водой к роднику, аккуратно пристроил рядом с костром большой чугунок и медную кастрюлю. В чугунок он сварил классический кулёш на весь славянский коллектив: чечевица, горох и одна тушка солёной утки, трудолюбиво порубленная на мелкие кусочки. В кастрюлю бросил две горсти (с горками) жареных корней одуванчика, дал напитку прокипеть минут двадцать, после чего отставил посудину в сторону.

– Эх, мало, всё же, корней одуванчика заготовили по весне, – он огорчённо покачал головой. – Да ладно, схожу потом на Дубовый холм, наберу перезревших осенних желудей. Или девчонок отправлю туда... Потом жёлуди высушим над огнём, тщательно разотрём в порошок в каменной зернотёрке, смешаем с корнями одуванчиков – один к одному. Нормальный «кофе» получится, забористый и крепкий, тем более что и выбор-то у нас не велик...».

Доставая из кармана кобуха жестянку с жареными корнями одуванчика, Егор неожиданно нащупал в кармане туго скатанный бумажный шарик. Сперва он не придал этому никакого значения, но потом, когда завтрак был уже практически готов, вспомнил о странной находке, достал шарик из кармана, развернул.

«Командир, это Наташа Нестеренко. Надо срочно встретиться, поговорить. Здесь что-то не так... Люди стали совсем другими, ты в глаза всем посмотри внимательно! Другие глаза, жёсткие! Надо обязательно поговорить!», – убористым почерком было написано на листе серой бумаги, явно вырванной из самого обыкновенного блокнота.

«Похоже, это она писала чёрной тушью для ресниц – из косметического набора», – решил Егор. – «А записку мне подложила в карман, когда мы лыжи надевали у большого камня. Жаль, что поговорить не успели... Что Наталья имела в виду – по поводу «других глаз»?

В восемь часов тридцать минут Егор вошёл в пещеру с тлеющей сосновой щепкой в руках, зажёл самодельный светильник, представляющий собой глиняную плошку, заполненную густым барсучьим жиром, в котором был утоплен свернутый в спираль фитилёк, старательно сплетённый из особого вида местного мха («Инструкции» профессора Петрова – в действии!).

– Подразделение, подъём! – рявкнул Егор. – Осуществить утренние туалетные процедуры! Приготовиться к приёму пищи! Сашенция! – позвал жену.

– Здесь я, здесь! – сонно откликнулась Санька из дальнего угла.

– Назначаешься старшей – по решению текущих бытовых вопросов! Определи места для туалетов. Составь график по мытью грязной посуды. Не слышу ответа! – повысил голос.

– Есть – определить! Есть – составить! – браво отозвалась жена, и в свою очередь громко объявила: – На первый случай определяемся с туалетом по классическому варианту. Мальчики – направо! Девочки – налево! Потом придумаем что-нибудь более оригинальное...

Завтрак прошёл быстро и слаженно. Славяне с аппетитом наворачивали утиный кулёш, откровенно хмурых лиц не наблюдалось, даже – время от времени – звучали нехитрые шутки и весёлые прибаутки.

– Торопимся, господа и дамы! – настойчиво подгонял подчинённых Егор, активно работая деревянной ложкой, подавая тем самым, так сказать, личный пример. – Туго у нас нынче со временем. Очень туго... После утреннего кофе состоится экстренное собрание коллектива. Будем решать всего один насущный вопрос: как мы собираемся выживать в сложившейся ситуации...

Для проведения полноценного совещания они даже соорудили некое подобие полноценного конференц-зала: между большими плоскими валунами уложили предварительно срубленные сосновые жерди, на которых и расселись семь рядовых бойцов отряда. Егор же, как и положено командиру подразделения, проводящему важную утреннюю планёрку, занял своё законное место перед слушателями и приступил к изложению стоящей перед ними проблемы:

– Во-первых, мы потеряли больше половины разных полезных вещей. Это касается посуды, одежды, инструментов и прочих бытовых мелочей. Кроме того, нам предстоит потра-

тить достаточно много времени на переоборудование диких пещерных помещений – в условно жилые. Как бы там ни было, но зимовать, по-видимому, нам предстоит именно здесь, для чего необходимо срочно заготовить необходимый запас сухих дров. Нам и раньше приходилось совсем непросто, а теперь и вовсе... Ну, вы и сами всё понимаете, не маленькие. Так что попрошу вкалывать на полную катушку, не сачкуя и не отлынивая. От этого – в конечном итоге – зависит, доживём мы до весны, или нет... Петя! – обратился к Нестеренко, сидящему на самом краю импровизированной скамьи с совершенно равнодушным и потерянным видом. – Петя, я всё понимаю и искренне сочувствую твоему горю, но надо жить дальше... Ты же у нас лучше всех стреляешь из лука! Давай, ты гусями и утками займёшься – очень серьёзно? А, Петь? Ты хоть головой чуть кивни, если меня слышишь... Вот, молодец, одобряю! От всех других работ ты, естественно, освобождаешься, только охотишься. Добудь нам водоплавающей дичи, сколько сможешь, от тебя очень многое зависит... Хорошо, Петро?

– Не волнуйся, командир, сделаю, что смогу, – еле слышно пробормотал Нестеренко.

Егор внимательно посмотрел на Симона Брауна.

– А ты, Сеня, будешь у Петра на подхвате. Во-первых, нужно оперативно выдолбить несколько колодин – из толстых осиновых брёвен. Бочонок-то у нас почти заполнен, не в чем солить битую птицу, квасить капусту. Когда смастеришь две-три дельные колодины, то тут же начинай сооружать полноценную коптильню: что не засолим, то закоптим. Опять же, натоптанную лосиную тропу я видел по дороге, может, удастся по первому снегу добыть сохатого... Теперь вы, милые дамы. Старшей в вашем симпатичной группе, как я уже сказал ранее, назначается моя любимая жена, Саня Леонова. Гражданка Быстрова, попрошу не возражать! Сейчас совсем не время – для демонстрации ваших недюжинных амбиций... Итак, основная задача, поставленная мной перед женской частью нашего дружного коллектива, звучит так: непрерывные сбор, сушка и засолка съедобных грибов. В основном – обычная сушка. Засолка, только если образуется лишняя деревянная тара. Например, если Сеня – в трудовой запарке – понаделает лишних колдобин. Или, вдруг, у Петра не заладится с охотой на пернатых... При этом, прекрасные барышни, никто с вас не снимает и святых женских обязанностей по приготовлению пищи. Да, если найдётся свободное время, то и хворост можете пособирать, бересты надрать впрок. Дрова на зиму будем складировать в северной пещере, там кубов сто пятьдесят поместиться, не меньше. А ещё неплохо бы клюквы и брусники набрать побольше...

– Ну а вы, генералиссимус, чем лично займётесь? – всё же, не вытерпев, перебила его Галина Быстрова. – А ваш верный адъютант Геннадий Федонин?

Егор охотно пояснил:

– Наша с Геной главная и наиважнейшая задача – выстроить в пещере из дикого камня отличную и надёжную печь. Подходящее место я уже присмотрел, да и верхний свод там не очень-то и толстый. Так что, думаю, удастся пробить сквозную дыру для трубы... Без печи, да что там – без шикарной и сказочной печи – наши шансы пережить суровую и снежную зиму равняются абсолютному нулю. Всё ясно? Тогда приступаем, господа конкурсанты и конкурсантки! Вы хотели увлекательного реалити-шоу? Получайте, любезные мои, по полной программе...

Хорошо ещё, что погода установилось просто шикарная: опять вернулось настоящее бабье лето, днём было тепло и солнечно, ночами тоже обходилось без значимых заморозков.

«Сколько нам ещё осталось до первого снега?», – спрашивал себя Егор. – «По логике вещей, ещё месяца полтора. Но ведь может и так случиться, что уже через три недели ударят морозы...».

Он прекрасно помнил осень 2002 года: тогда серьёзные морозы начались с двадцатых чисел октября, а на ноябрьские праздники он вместе со своим закадычным приятелем – Игорем Ковалёвым – уже поехал на подлёдную рыбалку. И не на какое-нибудь там занюханное и мелководное лестное озеро, а на Вуоксу – водоём очень даже серьёзный, глубокий и широкий.

Дела спорились. Печка получилась просто на загляденье: с двумя топками, плитой для приготовления пищи и с широкими полатами, на которых запросто – в случае такой необходимости – могли разместиться три-четыре человека. Была предусмотрена и специальная стенка с вмурованными в неё бронзовыми крючьями – для сушки мокрой одежды и обуви. Дымила, правда, печь нещадно, особенно пока была не до конца разогретой. Да по-другому и быть не могло: дверцы-то у топок отсутствовали – как класс. Печь поделила выбранное подземное помещение на две примерно равные половины: мужскую спальню и женскую.

Сеня Браун разошёлся не на шутку: выдолбил за полторы недели из толстых осиновых стволов пять здоровенных корчаг. В одной девчонки засолили добытых Петром уток и гусей, две другие заполнили солёными отборными рыжиками, в четвёртой заквасили капусту, щедро пересыпав её клюквой и брусникой, пятая же дожидались своего часа.

– Милый, а почему ты приказал для соления собирать только рыжики? – искренне недоумевала Санька. – В лесах и розовых волнушек очень много, белых и чёрных груздей, осенних опят, сыроежек... Почему же – только одни рыжики?

– Темнота ты у меня необразованная! – наставительно и чуть ехидно усмехался Егор. – Нам нынче не до разносолов. Не графья, чай! А ведь даже школьнику средних классов известно, если, конечно же, этот школьник по настоящему любознателен, что рыжик – самый калорийный гриб на свете. По этому важному показателю он даже белый гриб значительно превосходит! Короче говоря, рыжик и есть – самый настоящий король грибов. А белый гриб – самый обычный самозванец.

– Надо же, я и не знала! – восхищалась Сашенька. – Чему только в этих ваших спецслужбах не учат! В смысле, в наших, в российских...

Со сбором грибов для сушки тоже всё обстояло наилучшим образом: боровики росли в сосновых лесах и берёзовых рощах дружными группами, в ельниках было очень много крепких маслят. Костры рядом с коптильней, возведённой умельцем Браунов, горели круглые сутки напролёт, сушка грибов – дело серьёзное...

В тот субботний (но – рабочий!) день Егор остался дневальным на сушильно-коптильной «фабрике», расположенной на пологом северном склоне холма – с шикарнейшим видом на Чёрное озеро.

Первым делом он раскочегарил и запустил в работу коптильню: загрузил в топку – на свежие красно-бордовые угли – чуть влажную ольховую труху, в «рабочей камере» подвесил на бронзовых крючьях заранее просоленные тушки уток и гусей. После этого порезал на мелкие кусочки грибы, с утра собранные женщинами, аккуратно разложил эти куски на специальных деревянных решётках, изготовленных согласно «Инструкциям» приснопамятного профессора Петрова, развёл длинный и в меру жаркий костёр, пододвинул решётки поближе к пламени.

Санька трудилась около пещеры: готовила нехитрый обед, одновременно протапливая подземную печь и стирая по мелочам. Генка и Сеня были задействованы на заготовке дров. Пётр выслеживал на болотах – около Чёрного озера – очередную припозднившуюся гусиную стаю. Остальные девчонки ушли на Дубовый холм, расположенный в трёх с половиной километрах к востоку от пещеры, за желудями и рыжиками. Всё шло в полном соответствии с заранее разработанным планом-графиком...

Послышались чьи-то быстрые и лёгкие шаги.

– Егора, милый! – испуганно затараторила Сашенция. – Там, там... Их много, больше десятка... Они возле холма бродят. Бродят и скалятся...

– Да кто – они? – повысил Егор голос. – Ты толком говори, без глупых предисловий!

– Они...

Впрочем, ничего говорить уже и не требовалось: из-за холма прилетел громкий волчий вой, наполненный – до самых краёв – первобытной тоской и плохо скрытой угрозой...

Глава пятая

Красные койоты, змеи и сумасшедший

Егор аккуратно отодвинул подальше от костра решётки с грибами, предварительно переложив пистолет в карман штанов, сбросил на землю свой плащ – чтобы не стеснял движений, браво подмигнув Сашенции:

– Ну, пойдём, дорогая моя, глянем на этих ужасных серых хищников.

– Они и не серые совсем, – пояснила жена. – Рыжеватые, а по хребту идёт слегка красноватая узкая полоса. А ещё там вместе с ними бегают этот убогий..., забыла, как его величают...

– Савелий?

– Он самый. Причём, волки к нему – как я успела заметить – относятся очень и очень уважительно. Вполне возможно, что они приняли его в свою стаю. Не удивлюсь, если и в качестве вожака.

– Даже так? Интересные дела! Пойдём, родная, понаблюдаем...

Супруги Леоновы взобрались на вершину холма, отдышались.

– Вон они, чуть правее той ало-багровой осинової рощицы, – Санька небрежно махнула рукой.

Егор поднёс бинокль к глазам.

В ста пятидесяти метрах выше подножия холма густой хвойный лес плавно переходил в молодое лиственное мелколесье, и вот среди этих одиночных и невысоких берёзок, осинков и рябинок мелькали ловкие и поджарые тела, отливающие в лучах осеннего неяркого солнышка всеми оттенками светло-коричневого и красно-каштанового. До животных было метров сорока.

«На классических русских волков они совсем не похожи!», – любезно доложил внутренний голос. – «А вот на южно-американских степных красных койотов – очень даже. Помнишь, мы с тобой видали точно таких же шустриков – в осенней аргентинской пампе, недалеко от заштатного городка со странным названием – Талар?».

Егор прекрасно помнил этот случай, имевший место быть несколько лет назад, недалеко от аргентинской столицы Буэнос-Айреса, но от этого не становилось понятней ни на йоту.

Волки, судя по всему, исполняли какой-то сложный ритуальный танец, ловко перепрыгивая друг через друга и плавно кружа вокруг невысокого берёзового пенька. На пеньке, гордо задрав голову к небу, стоя Савелий. Убогий размахивал руками – словно опытный дирижер армейского оркестра. Звери, повинаясь его скупым жестам, время от времени останавливались, садились на свои тощие облезлые хвосты и начинали хором подтягивать, а потом и дружно выть в унисон, после чего срывались с места и снова начинали зачарованно кружить вокруг пня....

Санька печально вздохнула:

– Красиво, прямо как в фильмах Андрея Тарковского...

– Да уж, красиво, так его..., – ворчливо согласился Егор. – Только вот, эта красота иногда бывает очень уж обманчива.... Да это я не про тебя, дурочка подозрительная! – торопливо пояснил, получив от Сашенции лёгкий подзатыльник, и негромко скомандовал: – Давай-ка, дорогая, спрячься вон за тем ивовым кустиком.

– Зачем это?

– Затем, что надо. Эксперимент будем проводить...

Дождавшись, когда верная супруга скроется в густых ивовых зарослях, Егор поднёс к губам сложенные рупором ладони и тоненько завыл, подражая когда-то услышанному – в осенней аргентинской пампе – вою красных южно-американских койотов.

Результат превзошёл все ожидания: волки дружно залегли на землю, старательно прячась за болотными кочками и корягами, Савелий мгновенно соскочил со своего пенька и непонимающе завертел головой.

– Я здесь! – громко прокричал Егор. – Здесь я!

Убогий, нервно подёргивая головой, помочился на ближайшую осинку, облепленную – словно старинными монетами – розово-красными и густо-бордовыми листьями, и начал медленно подниматься на холм, изредка подпрыгивая – молоденьким и непоседливым козликком – вверх. Волки послушно и чуть понуро, поджав тощие хвосты, брели за ним следом, отстав метров на пятьдесят-семьдесят.

– Ты уж, братишка, совсем близко не подходи! – небрежно поигрывая браунингом, по доброму посоветовал Егор, когда до Савелия оставалось метров тридцать пять. – Поговорим, может, как взрослые люди?

– Поговорим, – утверждающе кивнул головой душевнобольной. – Ты правильный, с тобой можно.... Говори.

– Ты у волков за главного? В смысле – вожак стаи?

– Я – вожак стаи! – совершенно серьёзно подтвердил Савелий. – Только это совсем и не волки...

– Красные южно-американские койоты?

– Точно, они самые.

Егор задумчиво почесал правую бровь:

– Откуда они взялись? Может, смерчем принесло?

– Может и смерчем. Какая разница?

– Абсолютно никакой! – криво усмехнувшись, согласился Егор. – Послушай, Савелий, ты же, вроде, мужик вполне разумный?

– В какой-то мере – да. Если посмотреть с философской точки зрения, к примеру...

– Вот тогда сам подумай: у меня здесь слабые и беззащитные женщины собирают грибы, а тут разгуливают твои койоты. Нехорошо это, право. Как бы не случилось чего плохого.... Ты как думаешь?

Савелий улыбнулся: широко, радостно, приветливо:

– Не переживай, служивый! Я уже всё объяснил своим хвостатым друзьям. Не будут они трогать людей.... Но и вы, славяне, должны пойти нам на встречу. Парнокопытных здесь очень мало, только нам и хватит. Поэтому договор простой: вы не охотитесь на лосей и косуль, а мы – в свою очередь – вам не досаждаем. Договорились?

После минутного раздумья Егор попросил:

– Может, всё же, разрешишь нам добыть одного лося и одну косулю? Нам жилы и сухожилия очень уж нужны в хозяйстве: для изготовления новых луков, для починки порвавшейся одежды и обуви.... Да и шкуры с мясом пригодятся – в преддверии суровой зимы. Сделаешь исключение, а?

– Ладно, согласен! – немного помявшись, сообщил вожак стаи красных койотов. – Когда выпадет первый снег, я приду к тебе. Вместе поохотимся. Мы загоним дичь, вы – убьёте. Потом всё поделим по-честному. То есть, поровну.... Смотри, не нарушай только данного тобой слова! Один лось и одна косуля! Всё, я пошёл.... Удачи тебе, храбрый славянский Вождь! Ты только хорошенько молись – своему Перуну...

Савелий – в сопровождении красных южно-американских койотов – скрылся в ближайшем густом ельнике.

– Всё слышала? – спросил Егор у подошедшей жены.

– Всё. Дипломат ты у меня! Прямо вылитый Уинстон Черчилль! – легкомысленно ухмыльнулась Санька. – Поцеловать тебя за это? По серьёзному? Не возражаешь, случаем, командир?

Славянский коллектив встретил известие о договорённости, достигнутой с сумасшедшим вожаком диких волков, на удивление спокойно. Только Сеня Браун захотел уточнить детали:

– А на какое время распространяются условия этой сделки? Неужели на все пять лет?

«Надо же, наш-то иностранец – законченный и махровый пессимист, сразу же настроился на худший вариант. Хотя, возможно, это и не так плохо. Плохо, это когда, наоборот: человек искренне надеется, что заключение продлится один год, максимум – полтора, а по факту получается целых пять...», – подумал Егор, а в слух ответил:

– У древних славян было принято все важные договорённости фиксировать только одним годом. Из этого мы и будем исходить...

Сеня довольно покивал головой и сразу же успокоился.

Утром следующего дня Егор отправился на рыбалку. Свежая рыбка, она для разнообразия пищевого рациона – дело наипервейшее. И крепкая ушица хороша и полезна, да и просто жареные караси – милое дело...

Он был достаточно опытным рыболовом, лавливал рыбу в водоёмах многих странах мира, на разных континентах: и в морях, и в озёрах, и в речках... Но о такой рыбалке, которая была здесь, на Чёрном озере, ему даже слышать не доводилось. Только совсем недавно прочёл о ней в знаменитых «Инструкциях» профессора Петрова...

После уже традиционного утреннего построения все разошлись по своим объектам. Пётр Нестеренко бодро зашагал по направлению к речке Бобровой, ставить капканы на жирных осенних бобров. Генка и Сеня направились на лесозаготовки, да и лыка свежего – на новые лапти – они должны были надрать. Девчонки собрались за уже окончательно поспевшей клюквой. Только на грибоварне-коптильне осталась дежурить Галина Быстрова, она же должна была и грибной суп с чечевицей приготовить на обед.

Егору и «клюквенной команде» на первом этапе пути было по дороге.

– Командир, иди, пожалуйста, первым! – чуть смущённо попросила Юлька Федонина. – Мы к этим болотам ещё ни разу не ходили, всё занимались грибами. А Петька Нестеренко вчера вечером рассказывал, мол, в болотах около Чёрного озера развелось очень много ядовитых змей. Даже ему боязно тут ходить, вон, сегодня за бобрами подался. Чего уж говорить про нас, женщин? Страшно очень...

Он шёл первым – с лыжной палкой, крепко зажатой в кулаке правой руки, – через каждые две минуты отбрасывая далеко в стороны крупных и мелких змей.

– Сколько же их тут! – без устали удивлялся Егор. – И странные все какие-то! Словно бы – неправильные...

Змеи, и в правду, были необычными: формой тела напоминали обыкновенных чёрных лесных гадюк, но при этом были серебристого цвета, словно натуральные медянки. И у каждой на голове имелось крохотное светло-жёлтое пятно, так характерное для безвредных ужей...

«Что это такое?» – недоумевал Егор, естественно про себя, чтобы не пугать – лишний раз – шедших за ним барышень. – «После взрывов на секретном химическом объекте К-145 в районе, действительно, начались серьёзные мутации? Сперва эти красные южно-американские койоты во главе с сумасшедшим, теперь совершенно непонятные змеи... Что это такое? Последствия реальной техногенной катастрофы? Или? А почему бы и нет? Вполне возможно, что и искусная бутафория пока неизвестных нам шутников...

Успокаивающе махнув спутницам рукой, Егор ловко взобрался на высокий, красно-белый гранитный валун, располагавшийся метрах в пятидесяти от еле видимой тропы, и принялся с помощью бинокля внимательно обозревать окрестности.

– Интересно, очень интересно! – бормотал он себе поднос.

Обратно на тропу Егор вернулся только через двенадцать-пятнадцать минут.

– Ты что, уснул там? – набросилась на него с упрёками нетерпеливая Сашенька. – Мы тут как последние дуры стоим на одном месте, вокруг сотнями и тысячами ползают ядовитые

гады... А ему хоть бы что! Задумался, видите ли, размечтался... Законченный и самовлюблённый эгоист! Вот кто ты такой...

Юлька и Вера только смущённо пофыркивали, скрывая ехидные улыбки в широких рукавах кожухов.

Наконец Егору удалось прервать этот, как казалось, нескончаемый поток обидных слов и эпитетов:

– Дорогие мои барышни! Разрешите доложить итоги моей рекогносцировки на местности? Благодарю за оказанное доверие! Так вот, всё болото вокруг южного берега Чёрного озера условно разбито на разноразмерные сектора двух видов. Одни сектора – узкие, ярко-зелёного цвета, другие же достаточно широкие – с хорошо заметной желтизной. Понимаете? Ну, как же, всё очень даже просто! Где мох пожелтел, там под ним находится относительно тёплая земля, вот болото и подсохло. А змеи, как известно всем образованным людям, – насмешливо посмотрел на жену, – существа холоднокровные, поэтому все они и выползли на жёлтоватые сектора...

– А дальше что? – поинтересовалась Сашенция слегка виноватым голосом.

– Дальше – следуйте за мной! – непреклонно велел Егор и быстро зашагал направо, параллельно берегу Чёрного озера, уже привычно отбрасывая лыжной палкой со своего пути странных и неправильных змей...

Через двести пятьдесят метров они вышли на ярко-зелёный, очень симпатичный и какой-то «весёлый» мох. Змей тут не наблюдалось вовсе, зато клюквы было – видимо невидимо: крупная, ярко-рубиновая, без малейших намёков на всем известный «белый бочок».

Егор нагнулся, собрал полную пригоршню клюквы и отправил в рот. Ягода была очень ароматной, с лёгкой приятной кислинкой.

– Ну вот, храбрые мои соратницы, – улыбнулся Егор. – Вот она – ваша сказочная плантация! Собирайте ягоду, но только без излишнего фанатизма. Литров по десять-двенадцать собрали на брата, то бишь – на сестру, и сразу же пошли к дому. Идите только по зелёному мху, в жёлтые сектора не заходите. Всё, я пошёл!

– Ни чешуи тебе, ни хвостика! – прокричала ему в спину мстительная Санька.

Из рыбацких снастей у Егора с собой были: старая плетёная корзина (надо будет обязательно сплести новую!), нож с булатным лезвием, острый топор, самодельная удочка для подлёдного лова и берестяная коробочка с жирными короедами – их запасливый Сеня Браун набрал во время вчерашней заготовки дров.

Чёрное озеро – водоём куда как необычный. Когда-то площадь его водной глади составляла больше пятидесяти квадратных километров, а потом со всех сторон медленно и упрямо надвинулись серьёзные болота, крепко стиснули умирающее озеро со всех сторон. В наше время площадь его поверхности составляет менее одного квадратного километра. Но это – только видимая часть. Оно очень глубокое – Чёрное озеро, и под толстыми мхами, закрывающими его поверхность от живительных солнечных лучей, в полной темноте, расположены живые и обитаемые воды.

Именно этот момент и явился определяющим для выхода на рыбалку.

«Когда выросли «грибы», то все домашние животные, находившиеся под открытым небом, тут же померли, а те, что дремали в сараях, остались в живых», – рассуждал про себя Егор. – «Рыба в Боровом ручье тоже вся всплыла – кверху брюхом. А та, что живёт подо мхами Чёрного озера? Может, она там плавает до сих пор? Причём, абсолютно здоровая, в смысле – не заразная...».

Он осторожно и медленно продвигался по «живому» мху, который колыхался крутыми волнами под каждым его шагом. Было весело и немного жутковато – словно нежное фруктовое

желе безостановочно дрожало под кожаными подошвами его поршней.⁸ Когда до открытой воды оставалось метров сто двадцать, Егор решил остановиться.

«Не стоит проявлять излишнюю бравату! Не мальчик уже, чай!» – наставительно и вкрадчиво зашептал внутренний голос.

– И то верно! – не стал спорить с голосом Егор, за ручку повесил корзину на ветку низкорослой молоденькой берёзки, взял в руки бронзовый топор.

Он примерился, высматривая удобное место, одним ударом снёс в сторону овальную болотную кочку, принялся методично и настойчиво углублять образовавшуюся выемку.

---

⁸ – Поршни – разновидность кожаной славянской обуви, напоминающая низкие сапоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.